

ПИСЬМА БЛОКА К Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН И ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН О БЛОКЕ (1913—1921)

Вступительная статья, публикация и комментарии
Л. К. Кувановой

Адресат писем Блока — Надежда Александровна Нолле-Коган (1888—1966) — переводчица с немецкого и французского языков. Родилась в Москве, в семье врача Александра Николаевича Нолле. Оставив частную практику, А. Н. Нолле служил директором московского воспитательного дома. Надежда Александровна рано потеряла мать. Отец женился вторично, и десятилетнюю девочку поместили на полный пансион в московскую частную гимназию Е. Е. Констан, которую Н. А. Нолле окончила в 1907 г. В гимназии Н. А. Нолле познакомилась с преподавателем русской литературы Петром Семеновичем Коганом, за которого в 1909 г. вышла замуж. Н. А. Нолле слушала лекции в Сорбонне, потом в Петербурге, где П. С. Коган был доцентом романско-германского отделения Петербургского университета. Н. А. Нолле-Коган окончила Бестужевские курсы, тоже по романско-германскому отделению. Она стала помогать мужу, делая переводы для Хрестоматии по западной литературе; ею переведены отрывки из художественной прозы Дидро. В 1910 г. она перевела книгу Фр. Куммора «О смене литературных поколений и литературных кумиров».

В 1913 г. Н. А. Нолле-Коган совершила заграничную поездку по Германии, посетив Берлин, Фрейбург и Марбург, куда приехал и П. С. Коган для работы над диссертацией о Гейне у проф. Эльстера. Потом Н. А. Нолле-Коган путешествовала по Италии, посетив Рим, Милан, Пизу, Флоренцию, Венецию, Неаполь, Капри, Сорренто. Н. А. Нолле-Коган была постоянной сотрудницей журнала «Женское дело».

Впервые Н. А. Нолле-Коган встретила Блока в 1912 г. Весной следующего года она обратилась к нему с письмом, в котором писала о своем чувстве к поэту.

Личное знакомство ее с Блоком произошло 28 ноября 1913 г., после чего их встречи и переписка не прекращались до конца жизни поэта.

Письма Блока Н. А. Нолле-Коган хранятся в Отделе рукописей ИМЛИ (ф. 12, оп. 1, ед. хр. 41—46) — 31 письмо и в ЦГАЛИ (ф. 237, оп. 2, ед. хр. 237) — 9 писем и 7 конвертов (без писем).

Все 40 писем Блока, переданные на архивное хранение самой адресаткой, относятся к 1913—1921 гг. Наибольшее число писем Блока к Нолле-Коган падает на последние четыре года: за период с 1918 по 1921 г. сохранилось 36 писем Блока. Переписка не дошла до нас полностью: не сохранилось 7 писем Блока за 1920—1921 гг., о чем свидетельствуют оставшиеся конверты (с почтовыми штемпелями этих лет и лишенные почтовых штемпелей). Не достает и писем Н. А. Нолле-Коган Блоку, что видно из содержания его писем.

Период наиболее интенсивной переписки Блока с Н. А. Нолле (1918—1921 гг.) был особенно сложным и напряженным в его жизни. Как известно, благодаря высокому авторитету Блока среди петроградских литераторов и в связи с отказом части интеллигенции от сотрудничества с Советской властью, Блок оказался загруженным сверх меры многочисленными служебными и общественными обязанностями.

В дневнике Блока от 1 марта 1918 г. запись: «Главное не терять крыльев (присутствия духа). Страшно хочу мирного труда; но — окрыленного, не проклятого. . .

Красная армия? Рытье окопов? «Литература?»

Все новые и новые планы. Да, у меня есть сокровища, которыми я могу «поделиться» с народом». И дальше: «Революция — это я — не один, а мы» (VII, 328).

Дневниковая запись передает горячее стремление Блока отдать всего себя на службу революции и народу.

Со свойственными Блоку пунктуальностью и аккуратностью он старался выполнять все порученные ему обязанности. Но его, как творческую личность, не могли не тяготить бесконечные многочасовые заседания, писания протоколов, разнообразные организационные дела, требовавшие от него многих сил, энергии и времени.

«Я продолжаю «владеть тягостный ярем» дел, председательствовать и пр. т. п.», — жалуется в письме от 17 октября 1918 г. Блок.

Тяжелые бытовые условия, неизбежные лишения, тревоги и волнения не могли не наложить своего отпечатка на содержание блоковских писем. В них временами звучат мрачные ноты утомления, раздражения и болезненности. Усиливавшееся заболевание сердца, далеко не сразу распознанное врачами, все более властно заявляло о себе, что тоже отразилось в письмах поэта; он жалуется на плохое самочувствие, переутомление, слабость.

Но страницы писем Блока запечатлели также и огромное желание отдать все силы служению молодому государству, строительству советской культуры. В письме от 13 июня 1918 г. он сообщает: «А я все время работаю над самыми разнообразными вещами, никогда столько не работал». Он уделяет много времени творческим занятиям, пишет большое количество статей, рецензирует пьесы, присланные ему на отзыв, пишет «объяснения» к ряду произведений зарубежной классической драматургии, работает над созданием «исторических картин», привлеченный А. М. Горьким, для издательства «Всемирной литературы», занимается также редактированием переводов Г. Гейне — поэта близкого ему и любимого им. Блок и раньше (1909г.), и в это время сам переводил стихотворения Гейне. Работа давала ему огромное духовное удовлетворение, о чем он писал Н. А. Нолле-Коган.

Роль, которую сыграла в последние годы жизни Блока Н. А. Нолле-Коган, трудно переоценить. Нельзя не сказать о том положительном значении, какое имело ее участие в жизни поэта, когда ее дружеская помощь и поддержка были ему необходимы. Она поддерживала Блока, как только могла: и материально, и морально в труднейшие годы его жизни.

Н. А. Нолле-Коган систематически посылала Блоку продуктовые посылки в голодный и холодный Петроград, устраивала творческие вечера в Москве, когда он останавливался в квартире Коганов, где и сама Надежда Александровна, и ее муж, Петр Семенович, «доброту и мудрую мягкость» которого мог почувствовать Блок, окружали его вниманием и заботой.

Н. А. Нолле-Коган вела бесконечные переговоры с руководителями Художественного театра и других театров о постановке блоковской пьесы «Роза и Крест». Стараясь облегчить материальное положение Блока, она содействовала продаже книг из его личной библиотеки, устраивала его в «Артель деятелей искусства», в издательстве которой «Первина» были позже напечатаны его «Отроческие стихи». Наконец, когда болезнь поэта приняла угрожающий характер, были предприняты энергичные хлопоты по отправке его в один из санаториев Финляндии.

Блок с благодарностью принимал дружескую помощь Н. А. Нолле-Коган. В предпоследнем письме к ней от 20 мая 1921 г. он писал: «Поверьте, что я глубоко благодарю и ценю Вашу удивительную заботливость и чуткость».

Публикуемые в приложении воспоминания были переданы автором в редакцию «Литературного наследства». Рукопись состоит из 49 листов машинописного текста с правкой и вставками рукой Нолле-Коган.

В воспоминаниях обильно цитируются письма Блока к автору. Чтобы избежать повторов, поскольку эти письма печатаются в настоящем томе, даты соответствующих писем приводятся в угловых скобках. Воспоминания представляют несомненный интерес для изучения последнего периода жизни Блока; в них содержатся штрихи к его портрету, передаются настроения и переживания поэта в трудные годы после революции.

Н. А. Нолле-Коган в своих воспоминаниях сообщает о встречах с ближайшими родными Блока — матерью и женой. Приводятся их письма к автору воспоминаний.

Все это, вместе взятое, может дать новый ценный материал исследователям жизни и творчества Блока.

1

23 марта 1913 «Петербург»

Да, если хотите.

Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма.

Александр Б л о к

Ответ на письмо Н. А. Нолле-Коган, в котором она писала о своем чувстве к Блоку и просила у него разрешения посылать ему розы. На письме — помета Блока: «Получено 22 марта 1913 г.»

Текст приведен полностью в книге: «Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока. М., 1975, с. 328.

В дневнике Блока запись от 22 марта 1913 г.: «... я получил прекрасное письмо от какой-то дамы». Совпадения дат получения письма и дневниковой записи дают основания думать, что письмо принадлежало Н. А. Нолле-Коган (VII, 232).

В дневниковой записи Блока от 27 марта 1913 г. Блок пишет: «На столе у меня стоят те красивые розы, которые сулила мне неизвестная дама» (VII, 234).

На одном из последующих писем Н. А. Нолле-Коган А. А. Блоку его помета: «7 роз после лекции Пяста. 8 декабря 1913 г.»

2

«Июнь, 1914 г.», Петербург¹

Все всегда разное, как почти во всем, иногда нет, иногда да, чаще — да. А не правда ли, нам было негде встретиться с Вами эти дни, потому что я не был там, где Вы были?

Значит, не надо встречаться?

А. Б.

¹ Датируется на основании письма адресатки, в котором она пишет: «Нужны ли Вам мои письма? Два года назад на этот вопрос Вы в письме ответили: «Иногда — да, иногда — нет, чаще — да». На этом письме — помета Блока: «Получено 6 июня 1916 г.»

Слова «нет» и «да» — подчеркнуты Блоком. Текст письма приведен полностью в указанном выше издании.

3

СПб. 17 января 1916 г.

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Очень благодарю Вас за присылку книги «Пролог»¹. Напрасно Вы думаете, что «мое мировоззрение диаметрально противоположно написанному в ней»; напротив, я встретил на ее страницах много близкого и знакомого мне. Главное, что я имею сейчас возразить против этой книги, — это то, что мысли, в ней выраженные, кажутся мне не творческими, не окрыленными; это сказывается наглядно на приводимых примерах; по крайней мере, я твердо уверен в одном, — что примеры, взятые из моих книг, не иллюстрируют, а опровергают «программу», которую автор хочет подтвердить: на стр. 48 цитированы мои слова, которые я говорил, ограничивая себя и внутренне осуждая «лирику», которую я любил тогда (да и всегда) любовью ненавистнической.

Стихи, цитированные на стр. 51, писались отнюдь не во имя свое, а во Имя и перед Лицом Высшего (или того, что мне казалось тогда Высшим, все равно, это покажет будущее, а я и до сей поры думаю так). В этом и есть для меня единственный смысл «Стихов о Прекрасной Даме»², которые, в противном случае, я бы считал «стишками», т. е. делом, о котором лучше молчать.

Александр Б л о к

¹ Речь идет о книге П. С. Когана «Пролог» (1-е изд., 1915 г.), в которой он в противоположность критикам-идеалистам (Ю. И. Айхенвальду, М. О. Гершензону, Д. С. Мережковскому и др.), утверждавшим свободу творческой индивидуальности, писал о зависимости личности писателя от общественной среды. Автор «Пролога» характеризует «программу действия» модернистов, состоящую, по его мнению, из трех пунктов: 1. Себялюбие и признание ценности лишь собственных переживаний. 2. Взгляд на людей, как на средство внутреннего обогащения. 3. Враждебность для творческой личности всякого рода

человеческих соглашений. По первым двум приводятся три цитаты из произведений Блока; две из «Предисловия к «Лирическим драмам»:

1. «Всякий читатель, особенно русский, всегда ждал и ждет от литературы указания жизненного пути».

2. «Самое большое, что может сделать лирика, — это обогатить душу и усложнить переживания. . . Никаких идейных, моральных или иных выводов я здесь не делаю».

3.

Душа молчит. В холодном небе
Все те же звезды ей горят.
Кругом о злате и о хлебе
Народы шумные кричат. . .
Она молчит и внемлет крикам
И зрит далекие миры. . .

(«Стихи о Прекрасной Даме»)

² «Стихи о Прекрасной Даме» — первый стихотворный сборник А. Блока (М., изд-во «Гриф», 1905).

4

26 октября 1916. «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Если хотите и надеетесь на успех, отчего же не устроить вечер¹. Мне трудно об этом судить. Я бы послушал и посмотрел (хоть и трудно «слушать себя и о себе», но на днях уезжаю на фронт.

Пожалуйста, передайте мой искренний привет Петру Семеновичу².

Преданный Вам Александр Б л о к

¹ Вечер, по-видимому, организован не был. Блок 2 ноября 1916 г., по окончании отпуска, должен был вернуться в 13-ю инженерно-строительную дружину Всероссийского Союза земств и городов, куда он был призван и числился табельщиком (ст. Лунинец Полесских жел. дор. в районе Пинских болот).

² Петр Семенович Коган (1872—1932) — литературовед и критик, профессор, президент Государственной академии художественных наук (ГАХН); муж Н. А. Нолле-Коган, с которым она вступила в брак в 1909 г. См. ее воспоминания.

5

«1918, октябрь»

Это последняя и случайная карточка, больше у меня нет ничего.

Александр Б л о к

В ответ на просьбу Н. А. Нолле-Коган о присылке ей фотографии Блока, он прислал ей свою карточку в военной форме, со следующей дарственной надписью: «Надежде Александровне Коган, хотя надеюсь, что карточка не похожа, костюм — позорный (милитаризм)» (ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, № 300).

Фотография репродуцирована в изд.: «Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма Александра Блока, с. 490. Аннотация: «А. А. Блок. Фотография. 1916 г. ЦГАЛИ».

6

16 мая 1918 «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Сейчас получил Ваше письмо, как Вы добры!

С продовольствием дело обстоит действительно плохо, так что это иногда мешает писать, а так как писать приходится для того же продовольствия, то и получается заколдованный круг.

Поэтому, если у Вас есть средство прислать что-нибудь, то я буду очень Вам благодарен. Не знаю только, как устроить с деньгами; я очень не хотел бы затруднять Вас. Если случится оказия, то я мог бы отдавать деньги сейчас же тому, кто привезет. Особенно не хватает муки и сахару.

БЛОК

Фотография, 1916 г.

С царственной надписью Н. А. Нолле-Коган [от октября 1918 г.]
Центральный архив литературы и искусства, Москва

Спасибо Вам за давно полученный мной фельетон Петра Семеновича¹. Петра Семеновича я не видел, потому что сижу дома простуженный. Почему я не мог приехать на вечер², Вы, я думаю, знаете. Тогда было не до вечеров, комиссары переезжали в Москву³.

Ал. Блок

¹ Речь идет о статье П. С. Когана «Голос поэта» («Вперед», М., 1918, № 24, 15 февраля) — по поводу статьи Блока «Россия и интеллигенция».

² Вечер Блока в Москве, назначенный на 13 марта 1918 г., не состоялся.

³ Имеется в виду переезд Советского правительства в Москву, который произошел 10 марта 1918 г. Слухи об этом распространились раньше — Блок в записной книжке 21 февраля 1918 г. пометил с вопросом: «Комиссары выехали в Москву?» (ЗК, 388).

7

13 июня 1918. Петроград

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Ваша посылка пришла неожиданно в полной исправности¹, только картофель пророс! Все это очень нужно, и я не знаю, как благодарить Вас за все это. Нехорошо, что Вы не берете с меня денег за драгоценности, находившиеся в ящике; взяли бы . . ., а то совестно. Если будет еще оказия, посылайте еще, пожалуйста, очень буду благодарен Вам. Главное, говорят, мука и сахар, картофель не надо посылатъ. Деньги в письме (63 рубля) я передал Вашей прислуге при получении посылки с оказией. Получили ли Вы их?

Очень интересно то, что Вы пишете о докладе Дермана².

Я чувствую временами глухую травлю; чувствую, что есть люди, которые никогда не простят мне «Двенадцати»³, но с другой стороны, есть люди, которые (совершенно неожиданно для меня) отнеслись сочувственно и поняли, что я ничему не изменил.

Я могу послать Вам, если хотите, все фельетоны из «Знамени труда»⁴, а «Жизни» могу только указать №№: «Дневник женщины, которую никто не любил» напечатан в №№ 26, 28 и 30.

Если Вы собираетесь в редакцию, то не спросите ли Вы там, где были напечатаны два небольших стихотворения «Весна» и маленький фельетон «Письмо о театре»?⁵ Это могло быть в первых номерах до 17 включительно. Не могу никак добиться, а мне страшно нужно знать. Если вложите в посылку «Гаврилиаду», тоже буду очень благодарен Вам: конечно, здесь ее нет, как и многих других книг. Здесь стало пустынно, безлюдно, как никогда не бывало. А я все время работаю над самыми разнообразными вещами, никогда столько не работал.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ В ответ на письмо Н. А. Нолле-Коган от 25 мая (6 июня) 1918 г., в котором она сообщает, что 11 (24) мая она послала «небольшую посылку: муки белой и черной, немного сахара и картофелю. . . Сегодня в Петербург едет один мой знакомый. С ним я послала Вам 10 ф. муки и 1 ф. слив. масла. Больше, к сожалению, он взять не может, т. к. у него своих масса пакетов. . . Есть ли у Вас и интересуется ли Вас «Гаврилиада», говорят, что в Питер она не поступала в продажу» (А. С. Пушкин и Гаврилиада. Под ред. В. Я. Брюсова. М., 1918).

² Н. А. Нолле-Коган писала Блоку: «В обществе «Среда» было заседание, на котором Дерман читал доклад Вас. Доклад озаглавлен был «Творчество А. Блока». Доклад убийственно бездарный, он хвалил Вас за творчество дореволюционное и равносил за революционное, хотя поэму «Двенадцать» назвал талантливой. Тут все на стену полезли, особенно негодовал Ив. Бунин, а т. к. он «генерал», то слушали с почтительным молчанием и сочувствием. Петра Семеновича не было, он уехал на Волгу, так что выступать не мог, я так жалела, уж, наконец, не вытерпела и сказала, что очарования А. Блока, я уверена, я знаю, и половина здесь присутствующих не знает, но если, читая, переживать всем сердцем, всей кровью, что читаешь, то из-под власти его гения нам не уйти, и я хочу доказать это и, если собрание разрешит, прочту несколько его стихотворений, и я верю, что-то неуловимо-враждебное, что сейчас витает в воздухе к поэту, пройдет и сменится восторгом и большой к нему нежностью. Читала я «К Музе», «Пляски смерти», «О доблестях. . .», «Ты в комнате», «Успение», «Грешить бесстыдно», «Опять как в годы золотые. . .», «Приближается звук. . .», «Скифы» и много еще, несколько раз я кончала, но просили еще. Я так была рада, потому что заранее верила в Вашу победу. Ив. Бунин подошел со словами: «Вы победили, Надежда Александровна», а когда я радостно ответила ему: «Да, гений поэта победили, он усмехаясь, с поклоном подал мне ветку белой сирени. . .» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 276).

Абрам Борисович Дерман (1880—1952) — русский советский литературовед.

³ Речь идет о травле Блока со стороны интеллигенции, враждебно настроенной к Советской власти; особенно отличались Мережковский, Гиппиус и др.

⁴ В записных книжках Блок отмечал свои статьи, печатавшиеся в «Знамени труда», так в записи от 17 января 1918 г.: «Знамя труда» анонсирует начало печатания моих статей». Были напечатаны: «Интеллигенция и революция», «Религиозные искания интеллигенции», «Народ и интеллигенция» и др.

⁵ «Письмо о театре» впервые опубликовано в газете «Жизнь», 1918, 3 мая (VI, 273—275). Публикацию стихотворений «Весна» установить не удалось.

Спасибо Вам, многоуважаемая Надежда Александровна, за все посылки и приложения. Посланный меня не застал, так что я и не мог отдать ему ни письма, ни денег; посылать по почте боюсь. Напишите, сколько стоила «Гаврилиада»¹ сверх номинальной цены? У меня лежат для Вас все фельетоны из «Знамени труда»² и «Белая стая» Ахматовой³ (она давно распродана, потому пошлю Вам свой экземпляр, разрезанный).

«Гаврилиаду» я прочел, она мне совершенно не нравится, и мне все равно, кто ее писал. Должно быть, Пушкин. Спор об авторе будет продолжаться

до тех пор, пока будет стоять старый мир, а сама «Гаврилиада» едва ли займет серьезное место в жизни. Только несколько стихов, которые с ней вовсе не связаны.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ См. п. 7, прим. 1.

² См. п. 7, прим. 4.

³ Сб. стихотворений А. Ахматовой «Белая стая», 1-е изд. — «Гиперборей», Пг., 1917.

9

13 августа 1918. «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Спасибо Вам за все, привезенное Алексинским ¹, только я не знаю, сколько это стоит, напишите мне, пожалуйста. 3 рубля Вы тоже напрасно с него не взяли.

«Белая стая» ² не была вовсе библиографической редкостью еще осенью, а, кроме того, я собирался ее Вам подарить. При следующей оказии пришлю Вам все деньги.

Эти дни здесь — трудные.

Преданный Вам Ал. Блок

P. S. Если Вы случайно встречаетесь с кем-нибудь из закрывшейся газеты «Жизнь» (например, с редактором ее А. Боровым), если не трудно, попросите его распорядиться, чтобы дослали мне оставшийся гонорар (много — рублей больше 600), который я давно и тщето прошу ³.

¹ Григорий Алексеевич Алексинский (1879—?) — вначале социал-демократ, впоследствии — сотрудник монархической газеты «Русская воля» и газеты «Живое слово».

² См. п. 8, прим. 3.

³ В газ. «Жизнь» Блок напечатал: «Письмо о театре» (1918, 3, 26, 29 и 31 мая), «Дневник женщины, которую никто не любил» и «Сограждане» (1918, 13 июня), «Русские денди» (1918, 21 июня).

10

3 сентября 1918. «Петроград»

Надежда Александровна.

Очень боюсь, что Вы уедете ¹, а я не успею передать Вам деньги, потому прилагаю их (300 р.). Мне так тяжело, что я все не решаюсь к Вам зайти. Очень, очень благодарю Вас за хлеб.

Целую Вашу руку.

Ал. Блок

¹ Н. А. Нолле-Коган приезжала из Москвы в Петроград для ликвидации петроградской квартиры и перевоза библиотеки.

См. ее воспоминания.

11

4 сентября 1918 г. «Петроград»

Многоуважаемая Надежда Александровна.

По Вашему письму вижу, что Вы сердитесь на меня. Но право, мне трудно сейчас не по капризу — есть много причин для этого. Очень плохо чувствую себя и нравственно, и физически, хочу писать, а при этом — много внешних хлопот, от которых всегда теряюсь в таких случаях. Я думаю, мы успеем созвониться с Вами до воскресенья ¹.

Еще раз благодарю Вас за все.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ В это время Н. А. Нолле была в Петрограде (см. предыдущее письмо).

17 октября 1918. «Петроград»

Спасибо Вам, Надежда Александровна, и за письмо ¹, и за вести, и за посылки, полученные и предлагаемые. Если поедет в Москву Алянский ², попрошу его зайти к Вам, а других стесняюсь просить.

Читая статью Ю. И. Айхенвальда ³, я почувствовал ту злобу против меня, которая есть в некоторых литературных кругах Москвы, как раз среди тех, кого Вы часто видите, и с кем я лично или мало знаком, или совсем не знаком. Мне стало даже на минуту больно, потому что эта злоба исходит от людей, которых я уважаю и ценю. Вы как-то сказали мне, что я «всегда в миленьких», но из Ваших же рассказов я узнал, что это не так. Не знаю, где источник этой злобы. Вы лучше знаете, я думаю, потому что лично знакомы с Буниным ⁴, например.

В статье Айхенвальда ее не так много, но есть и там, и потому, читая ее, я вспомнил о другом. Я сказал бы, что эта статья неприятна не столько для меня, сколько для автора. Как можно *критику, серьезному*, быть столь импрессионистичным, столь порхающим с предмета на предмет, столь не считающимся с простейшими историко-литературными приемами?

Зачем так безбожно путать хронологию, например?

Я бы, если бы собрался писать статью, поинтересовался бы узнать точнее подробности внешние, но в корне меняющие дело.

О «глубоком» не говорю, его в статье нет, мне кажется, все — около глубокого. Так ведь ни слова и не сказано в целом печатном листе. Для кого это писано? Это — довольно вычурная канитель, даже не für weinige*. Одно слово *не* литератор часто глубже этих тысяч литературных слов. И все это — *декадентство*, вот, что я прибавлю напоследок!

Я продолжаю «влачить тягостный ярем» ⁵ дел (председательствовать и пр. т. п.). — Простите мои грубости.

Ал. Блок

Р. С. Если бы Петр Семенович ⁶ был здесь, он был бы драгоценен для нашей «Репертуарной Секции» ⁷. В частности, я постоянно читаю его словарные статьи и часто нуждаюсь в его трудах по истории западных литератур (и в очерках и в хрестоматии).

Если бы у Вас нашлись лишние экземпляры тех работ, где есть сведения, относящиеся к театру (в самом широком смысле), я был бы Вам очень признателен за их присылку. Но только, если есть авторские экземпляры, лишние, а покупать не надо.

А. Б.

¹ В ответ на письмо Н. А. Нолле-Коган от 6 сентября 1918 г., в котором она пишет: «Дорогой Александр Александрович. Посылаю Вам статью Ю. Айхенвальда о Вас. Мне принес ее вчера сам Айхенвальд, просил прочесть и сказать, как я ее нахожу. Я прочла и осталась недовольна, о чем расскажу Юлию Исаевичу, а Вам нравится?»

² Самуил Миронович *Алянский* (1891—1974) — организатор и редактор издательства «Алконост» (1918—1923), в котором вышли почти все послереволюционные произведения Блока. Автор книги воспоминаний — «Встречи с Александром Блоком». Изд. 1, М., 1969; изд. 2, М., 1972. См. о нем наст. том, кн. 4.

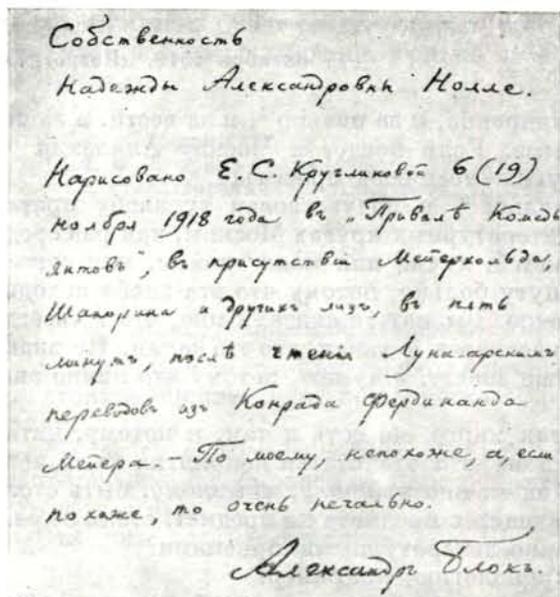
³ Юлий Исаевич *Айхенвальд* (1872—1928) — русский критик-импрессионист; отрицающий историю литературы как науку, писал эстетские субъективистские статьи. В 1920 г. Айхенвальд был выслан за границу. Имеется в виду статья «Лирик нашего времени» («Театральный курьер», 1918, № 11, 29 сентября).

⁴ Об инциденте с Буниным — см. п. 7, прим. 2.

⁵ Цитата из стихотворения Пушкина «Деревья».

⁶ В конце марта Блок стал работать в Репертуарной секции Петроградского театрального отдела Наркомпроса, а председательствовать он начал с октября 1918 г. Кроме этого,

* для немногих (нем.).

БЛОК

Силует работы Е. С. Кругликовой. На обороте — дарственная надпись Блока Нолле-Коган
Частное собрание, Москва

Блок с 22 сентября 1918 г. участвовал в работе изд-ва «Всемирная литература», учрежденного А. М. Горьким.

⁷ У Бюро Репертуарной секции было намерение привлечь к участию в работе секции П. С. Когана; намерение это не осуществилось.

13

14 ноября 1918 «Петроград»

Надежда Александровна, что отвечать сейчас? В мире нет больше личного. Жизнь открывает неслыханные возможности какого-то нового качества. Только этим я живу, думаю, что больше жить и нечем.

Если углубиться в личное, можно погибнуть, сойти с ума, оторваться.

Ал. Блок

Р. С. Позвольте просить Вас передать прилагаемую записку Петру Семеновичу¹. Спасибо за книги, давно получены.

¹ Речь идет о привлечении к работе Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса П. С. Когана (см. записку Блока П. С. Когану в воспоминаниях Н. А. Нолле-Коган в наст. томе).

14

16 декабря 1918. «Петроград»

Надежда Александровна, я все получил, спасибо Вам за все. Деньги пришли при первой оказии. Я не отвечаю долго потому, что мне очень тяжело и чувствую какую-то гнетущую усталость, почти до болезни. В связи с этим также, я бы очень Вас просил еще отложить вечер. Я как-то привык думать о нем в связи с постановкой «Розы и Креста»¹, которая, надо думать, состоится в этом сезоне. Сейчас чувствую себя опустошенным, измученным событиями до того, что хотел бы заболеть.

Передайте, пожалуйста, Петру Семеновичу, что я чувствую себя виноватым перед ним за Театральный Отдел; но дело в том, что я, отчаявшись в удовлетворении его просьбы, написал целый доклад в Отдел³, где подробно изложил сущность наших переговоров и всего дела. Судьба этого доклада мне до сих пор неизвестна, потому что вот уже две недели, как «начальство»³ занято политикой в Москве; насущные же дела стоят тоже две недели, вежливо уступая дорогу haute politique*. Впрочем, по слухам, П<етр> С<еменович> сам теперь работает в Московском отделе, может быть, ему удалось самому выяснить положение.

Портрет, по-моему, мало похож. В нем есть «поза»;

Преданный Вам Ал. Блок

Вот какое дело: я редактирую Гейне в изд-ве «Всемирная литература» (Горького и Тихонова)⁴. Если Вы знаете молодых поэтов, переводивших или желающих переводить Гейне, укажите мне на них, а им на меня. Все переводы, которые мне пришлют, я рассмотрю с благодарностью. Считаю, что русского Гейне почти не существует.

¹ Драма Блока «Роза и Крест» вышла в свет в издательстве «Мусaget» в 1916 г., куда вошли также и другие пьесы Блока. В августе 1918 г. вышло 3-е изд. «Театра» Блока в изд-ве «Земля». Блоку очень хотелось видеть на сцене пьесу «Роза и Крест», но длительные переговоры с руководителями Художественного театра ни к чему не привели, и пьеса не была поставлена.

² В записной книжке Блока имеется запись от 25 ноября 1918 г.: «Подал заявление о Когане в Театральный отдел (письмо от него). 28 ноября того же года Блок сделал доклад «Очередная работа репертуарной секции», пункт 3 этого доклада гласит: «Разработка общего плана мирового репертуара. Пока отдельные части той большой работы выполняются следующими лицами: П. С. Коганом (немецкий театр XIX в.). . .» В день доклада Блок пометил в записной книжке: «Коллегия 13-ти (не приехала Каменева). Доклады мой. . .» (ЗК, 437).

³ Ольга Давыдовна Каменева (Розенфельд; 1883—1941) была заведующей Театрального отдела (ТЕО НКП).

⁴ Издательство при Наркомпросе «Всемирная литература» (1918—1924), организованное по инициативе и при ближайшем участии А. М. Горького (заведующий Н. А. Тихонов (Серебров; 1880—1956) ставило целью выпуск наиболее значительных произведений мировой художественной литературы XVIII—XX вв. Обширная программа издательства не была выполнена из-за трудных условий послереволюционной действительности. Начиная с 24 ноября 1918 г. по 1921 г. Блок выполнял порученное ему редактирование Избранных произведений Г. Гейне, о чем в записной книжке Блок пометил: «Вечерние занятия Гейне». Из предполагавшегося издания в 5, потом в 7 томах, вышли два тома: Г. Гейне. Собр. соч., т. V, VI. Под ред. А. Блока. Пг., «Всемирная литература», 1920—1922. Издание прекратилось со смертью Блока. Стихи, отредактированные Блоком, использованы В. А. Зоргенфреем в кн.: Г. Гейне. Стихотворения. «Academia», М.—Л., 1931.

15

3 января 1919. (Петроград)

Многоуважаемая Надежда Александровна.

Вы все пишете мне о «вечере» моем, как будто само собой разумеется, что это хорошо и необходимо, и вопрос только в дне. Я знаю, что так думает Долидзе¹, который Вас загипнотизировал просто. Для меня — это мучительный вопрос: почти год, как я не принадлежу себе, я разучился писать стихи и думать о стихах. Я не выхожу из мелких забот, устаю почти до сумашествия, приходится думать о еде², протоколах, дровах, гонорарах и пр. Физически мне было бы трудно в таком надорванном и «прозаическом» виде выступать на каком-то триумфальном вечере, читать всякое старье, — для чего и для кого? Кроме того, я боюсь ехать в Москву, потому что там придется быть на новых заседаниях, доставать новые удостоверения и билеты; все это вместе заставляет меня просить Вас еще раз отказаться от этой мысли. Долг, который я имел несчастье взять у Ф. Е. Долидзе, я верну ему и могу

* высокая политика (франц.).

сделать это скоро. Поверьте мне, что я не хочу Вас обидеть, но что эти мысли стоили мне в эти дни часов мучительных.

Пускай человека отрывают от его любимого дела, для которого он существует (в данном случае, меня — от писания того, что я, может быть, мог бы написать); но жестоко при этом напоминать человеку, чем он был, и говорить ему «ты — поэт», когда он превращен в протоколиста, вовлечен в политику и т. д.

О Гейне³ (до которого я тоже недели три, в заботах о протоколах, не мог коснуться); хорошо сделать так, как Вы пишете, если Вам это интересно.

Мне начинает казаться, впрочем, что передача стихов Гейне — просто невозможна. Может быть, я откажусь и от Гейне, потому что это пока не совмещается со «службой», и не знаю, как совместить. Случай с Петром Семеновичем — не единственный; спасибо Петру Семеновичу, что он не настаивает на выполнении поставленных им условий, потому что я был бы бессилеш их выполнить; но ежедневно происходит то, что я, с которого требуют «инициативы», придумаю что-нибудь (может быть, и купюе), все согласятся (потому что всем — все равно), а, когда дойдет до дела (т. е. надо платить человеку, например), то оказывается, что все в первый раз об этом слышат, и я не могу вымолить у начальства денег для человека, иногда почти умирающего с голоду. Так вот и идет время, и на душу ложатся камнем какие-то все новые вины, в которых и виновен и не виновен, и часами нельзя думать ни о чем, кроме того, заплатят или нет такому-то человеку столько-то денег, тогда-то.

Гейне — по Эльстровскому изданию⁴. Больше половины Гейне едва ли можно будет дать. Писем, думаю, не будет. Ближайшим образом, не пробовали ли молодые московские поэты (на условиях не заказа, а свободного конкурса, как Вы и пишете) свои силы на *Zeitgedichte*^{*5}: к примыкающему к ним, т. е., на трехстепенном, теряющем зубы Гейне (кроме одной *Dogtrina* пожалуй)? Можно бы составить небольшую книжку из политических стихотворений, столь искалеченных П. И. Вейнбергом⁶ и его присными.

О продовольствии: едва ли оно будет, а, если и будет, привезти не окажется возможным. Прилагаю такое прошение, как Вы пишете, на тот случай, что Вам самой удастся им воспользоваться. Деньги пришлю при первой возможности.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Федор Евсеевич *Долидзе* (1883—?) театральный антрепренер; организатор литературных вечеров и лекций.

² 1 января 1919 г. Блок записал в записной книжке: «Небывалое отсутствие еды и небывалые цены» (ЗК, 444).

³ О работе Блока над Гейне см. п. 14, прим. 4.

⁴ Эрнст *Эльстер* — немецкий исследователь творчества Гейне, выпустивший 7 томов его сочинений (1887—1914). Эльстеровское издание Гейне считается лучшим; оно снабжено введением, биографией поэта и комментариями к его произведениям; содержит ряд ценных биографических и филологических изысканий.

⁵ «Современные стихотворения» Гейне (1844), вместе со сборниками «Новая весна» (1831) и «Разные» (1834), составили сборник «Новые стихотворения». «Доктрина» — стихотворение из цикла «Современные стихотворения».

⁶ Петр Исаевич *Вейнберг* (1830—1908) — поэт, переводчик и литературовед; наиболее известен как переводчик европейских классиков, в том числе — Гейне. Полное собрание сочинений Гейне вышло под редакцией П. И. Вейнберга и Чуйко (1864—1882).

Спасибо Вам, Надежда Александровна, за все, что пишете, и за то, что не сердитесь, и за всякие заботы обо мне, незаслуженные. Все-таки, я не приеду теперь, слишком много забот. Вы правы, все мои мечты сводятся

* современные стихотворения (нем.).

ИСКУСАЮ.

КАПУТ

ВСЕМ

№13579468100000.

Сто сорок.

РЕВ.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

ПРЕД!!! ЯВИТЕЛЬ СЕ
ГО Т. НАДЕЖДА АЛЕ-
КСАНДРОВНА ЕЗДИТ
КУДА ХОЧЕТ, КОГДА
ХОЧЕТ И НА ЗЕМ ХОЧЕТ.

Автогуж *Алекс*
секретарь *Иванов*

ШУТОЧНОЕ «УДОСТОВЕРЕНИЕ», ВЫДАННОЕ БЛОКОМ Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН
Автограф, 1918 г.

Институт мировой литературы АН СССР, Москва

к тому, чтобы остаться «членом бюро»¹, но меня трижды не пускали; не знаю, как разделаться, как приняться за то, что любишь и умеешь делать, вместо того, чтобы делать «дела», сознавая все время, что «бездарен» и что с окружающим бюрократизмом не сладить. Положение с каждым днем становится все более ложным и трудным.

Надеюсь, что Алянский² на этот раз увидит Вас и передаст Вам деньги за профессиональный союз.

Письма Ваши пришли, вскрытые военной цензурой. То письмо я прочитал. Вы знаете, я думаю, что я не разорвал его, а ответить не могу. Это для Вас письмо.

Если встретитесь со Станиславским³, передайте ему, пожалуйста, что я о нем часто думаю и люблю его, и почему я не еду. Петру Семеновичу передайте, пожалуйста, мой искренний привет.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Блок хотел освободиться от обязанностей председателя Репертуарной секции Театрального отдела. В дневнике Блока 1919 г. в записи от 6 января: «А мне: уйти наконец с моего водевильного председательского поста; остаться, в крайнем случае, редактором. . . Делая все дела, которые, даже, если меня отпустят из «председателей», останутся пока слишком разнообразными и наполовину — бессмысленными (т. е. потому, что «в пределах государственных заданий»), надо все-таки временами окидывать взглядом этого Гейне, стихи которого так прекрасны. . .» (VII, 354—355).

² С. М. Алянский — см. п. 12, прим. 2.

³ О встрече с К. С. Станиславским Н. А. Нолле-Коган — см. ее воспоминания, наст. кн. ниже.

Надежда Александровна, я долго не отвечаю Вам и не благодарю Вас за все то приятное, что Вы доставили мне. Причина — все те же беспокойные хлопоты, теперь к ним прибавилась еще какая-то регистрация для воинской повинности¹.

Все время приходится жить внешним, что постепенно притупляет и делает нечувствительным к величию эпохи и недостойным ее.

Письмо от Сабашникова ² давно получил и ответил ему.

Долги мои Вам остаются, очевидно, до следующей поездки Самуила Миrownича ³.

Хорошо бы все-таки, чтобы Вы брали с него сразу вперед, а то неизвестно еще, когда он поедет.

Жду, когда наконец отпустят и позволят спокойно писать что-нибудь, кроме докладных записок.

Кажется, не дожидаться, а может быть, и довольно.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ В 56-й записной книжке Блока — запись 24 декабря 1918 г.: «Заседание коллегии ответственных работников — гонорары и воинская повинность. Я уже «призван» в «тыловое ополчение» (ЗК, 441).

² Об издательстве Сабашниковых см. в сообщении С. В. Белова «Блок и первые послереволюционные издательства».

³ С. М. Алянский.

18

28.II.1919. «Петроград»

Надежда Александровна, спасибо Вам за все, за папиросы — особенно, потому что это лишение — одно из самых тяжелых. Эльстеровский Гейне такой точно — мне подарен моей матерью 10 лет назад ¹.

Теперь будут два — 1909 и 1919 года. Не знаю, подвинется ли от этого русский Гейне, до сих пор надеждами на этот счет я мало избалован, большую часть переводов приходится браковать.

О какой-нибудь книге для «Центропечати» ² подумаю, большое Вам спасибо за указание на нее. С Долидзе ³ я еще не говорил. Последнее время думаю, что от Театрального отдела ⁴ избавит меня отчасти просто какая-то глубокая усталость, доходящая до апатии временами. <...> Чувствуя все время (каждый день) мундштук во рту (воинская повинность, обыски, Гороховая ⁵, регистрации, категории, удостоверения, дрова, папиросы, «культурно-просветительная» деятельность), я не мог бы, если бы и хотел, не устать. Относительно шоколада приму меры ⁶.

Преданный Вам Ал. Блок

*С. М. Алянский передаст Вам шоколад, на вид хороший; стоит так дорого, что мы с Вами пока — в расчете.

¹ Впервые Блок начал заниматься переводами стихотворений Г. Гейне в январе 1909 г., имея намерение перевести всю его «Книгу песен» для проектировавшегося тогда издания переводов Гейне в изд-ве «Пантеон». Работа ограничилась переводом 13 стихотворений из раздела «Опять на родине»; 12 из них были опубликованы при жизни Блока в разных изданиях, а 13-е посмертно (III, 378—389).

Для этой работы ему и был подарен «Эльстеровский Гейне», в 1909 г. — матерью; в 1919 г. — Н. А. Нолле-Коган (см. ниже ее воспоминания).

² Н. А. Нолле-Коган предлагала Блоку написать что-нибудь для издания «Центропечати» (см. ее воспоминания).

³ Ф. Е. Долидзе — см. п. 15, прим. 1.

⁴ Блок был освобожден от работы председателя репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса 1 марта 1919 г., о чем есть запись в его записной книжке от 1 марта 1919 г. — «Моя отставка принята! Председатель Репертуарной секции — Соловьев!» (ЗК, 451).

⁵ Блок был арестован в числе других литераторов, сотрудничавших в левозсеровских изданиях, после раскрытия заговора руководителей партии левых эсеров. Арест Блока продолжался с вечера 15 до утра 17 февраля, когда он был освобожден после установления непричастности его к заговору.

Блок в записной книжке 15 февраля писал об этом: «Вечером после прогулки застаю у себя комиссара Булацеля и конвойного. Обыск и арест, ночь в компании и ожидания допроса на Гороховой». Следующая запись 16 февраля: «Допрос у следователя Лемешева около 11 ч. утра. Около 12-ти перевели в верхнюю камеру. День в камере. Ночь на одной койке с Штейнбергом. В 2 часа ночи к следователю Байковскому (второй допрос). Он возвратил мне документы».

17 февраля. Освобождение около 11 ч. утра. Дом и ванна. Оказывается, хлопотали М. Ф. Андреева и Луначарский» (ЗК, 449—450).

* Н. А. Нолле-Коган в письме к Блоку от 20 февраля 1919 г. просила купить ей шоколад «на углу Литейного и Невского (в Москве нет) и отдать Долодидзе, который в Пет. пробудет 10 дней» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 276).

19

30 марта 1919. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна, безбожно с Вашей стороны не брать с меня денег за те драгоценности ¹, которые Вы прислали. Чтобы Вы взяли их с меня, пишу Вам честно, что шоколад (за качество которого я боюсь, я его не пробовал, а потом мне говорили, что он не сладкий) стоит всего 150 рублей, а Вы мне послали очень много прекрасных вещей, за которые ничего не брали с меня, а кроме того — прошлая Ваша посылка стоила почти столько же; так что не то что мы в расчете, а я Вам все еще был должен до этой посылки. Имейте в виду в добавление ко всему, что я теперь много получаю денег.

Спасибо Вам, что записали Любовь Дмитриевну и маму в союз. Маму зовут Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттух.

Я не председательствую ², что меня очень радует, но работы очень много, потому что я состою в редакционных коллегиях «Всемирной литературы» и здешнего профессионального союза ³. Очень много людей, что приятно, но много и заседаний, и стихов долго не предвидится. Великолепная бумага еще не начата. Правда, она от Московского профессионального союза? «Катилину» ⁴, конечно, пришлю.

Сегодня мы чествовали Горького во «Всемирной литературе». Были *минуты трогательные и музыкальные*.

Спасибо за все, что посылаете, обещаете и сообщаете, жду «счета». Самуил Миронович еще в Москве, но мне не удалось увидеться с ним перед отъездом.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ В письме от 20 февраля 1919 г. Н. А. Нолле-Коган писала Блоку: «Дорогой Александр Александрович, я очень извиняюсь за те пустяки, которые Вам посылаю, но Долодидзе так неожиданно собрался, что я ничего не успела сделать, посылаю то, что было дома. Сейчас счет, это прежде всего, я ведь знаю, как Вы не любите быть у меня в долгу. За хлеб и лепешки я ничего не могу взять, потому что делала это для себя и не считала сколько стоит, и из какой муки, а за курицу 50 р. Папиросы, я не знаю, будете ли Вы курить, я не понимаю, что это за сорт, но за них я тоже не могу взять денег, т. к. это нам досталось даром (Петру Семеновичу дали как паек в Н.-Новгороде, когда он там читал, а он не курит). Если Вы таких не курите, отдайте Любви Дмитриевне, ей за них могут выменять продукты на рынке. . .» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

² Речь идет о председательстве Блока в репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса, от которого он освободился 1 марта 1919 г.

³ 8 марта 1919 г. Блок был утвержден членом коллегии издательства «Всемирная литература», главным редактором отдела немецкой литературы. 25 марта 1919 г. он выступил с докладом о русских переводах Гейне. Блок принимал участие также в Союзе деятелей художественной литературы. В его записной книжке — запись от 19 марта 1919 г. — «Заседание редакционной коллегии профессионального союза» (ЗК, 539).

⁴ Очерк «Катилина» начат был Блоком 22 апреля и закончен 17 мая 1918 г. Вышел из печати в Петрограде, в изд-ве «Алконост», в феврале 1919 г. (VI, 60—91).

20

24 апреля 1919. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Без получено, и все необыкновенно вкусно, не знаю, как благодарить Вас. Нехорошо одно, что Вы совсем не берете с меня денег. То, что Вы пишете, вместе со стоимостью посылки, надеюсь вернуть Вам с С. М. Алянским, но остается еще многое, о чем Вы умалчиваете, — и в этой посылке и в предыдущей.

В марте Вы мне послали: табак, папиросы, спички, конфеты, муку и хлеб. За хлеб, за муку и за крупу Вы берете с меня гораздо меньше, чем это стоит, а за остальное — ничего. Я так не согласен, тем более, что в Москве сейчас ведь все несколько не дешевле, чем здесь.

Я так озабочен делами ¹, что никак себя не чувствую. Весна мало похожа на себя, здесь еще мороз.

От сыпного тифа так нельзя заразиться. Я жил около фронта среди трех тифов и двух осп (в буквальном смысле — среди), и то не заразился. Зараза должна пройти через кровь.

Впрочем, все такое — всегда судьба.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Блок в это время занимался составлением сборника юношеской лирики «За гранью прошлых лет» для издательства Гржебина. Кроме того, по заказу этого же издательства он приступил к сбору материалов для книги о Горьком (книга не была написана). Помимо этих чисто литературных работ — Блоку приходилось участвовать в заседаниях, встречах и переговорах с авторами и др.

21

14 июля 1919. «Петроград»¹

Простите, дорогая Надежда Александровна, что не пишу Вам так давно.

Посылка получена, спасибо. Мне нечего писать о себе, потому что ничего нового вообще не происходит, и я честно и сцепив зубы занимаюсь литературой, получением удостоверений и пр. Внимание мое сосредоточено на Всемирной литературе ² и на театре ³ с тех пор, как меня устранили из Театрального отдела ⁴.

Знаете, теперь лето, очень жарко, я стараюсь купаться в море и загорать. При этом следует пить чай. Говорят, что в Москве можно найти чай, хотя бы и дорого. Здесь это очень трудно. После всех этих намеков Вам станет ясно, что я умоляю Вас, если это окажется возможным, со временем прислать чаю. В том, выражаясь мягко, «тупике», в который мы пришли, остается только постоянно твердить и повторять ежедневно: «Чаю». Но — не «чаю воскресения из мертвых», и не «чаю пришествия белогвардейцев», а просто: «чаю». Это гораздо короче и убедительнее. Нет человека, который был бы к этому глух.

Из этого отрывка Вам также должно стать очевидным, что я усиленно занимаюсь редактированием «Reisebilder» ⁵.

Если Вы еще собираетесь съездить в нашу деревню ⁶, не делайте этого. Совершенно бесполезно: там не осталось, по достоверным сведениям, ничего, кроме «Духа божьего, носящегося над бездной» ⁷.

Преданный Вам Ал. Блок

P. S. Не известен ли Вам дровяной источник в Петербурге?

Я спрашиваю об этом потому, что твердо уверен в единственном: что лето сменится зимой, и что зимой так же холодно, как летом жарко.

¹ Блок в записной книжке от 14 июля 1919 г. отметил: «Преостроумное письмо к Нолле написал я». (ЗК, 466).

² См. п. 19, прим. 5.

³ 24 апреля 1919 г. Блок был назначен председателем Управления Большого драматического театра. В записной книжке от этого числа запись Блока: «Свидание с М. Ф. Андреевой, которая определила меня на должность председателя Директории Большого драматического театра» (ЗК, 457).

⁴ См. п. 18, прим. 4.

⁵ «Reisebilder» — «Путевые картины» Г. Гейне (1826—1831), в которых он дает обзор современной Германии и Европы того времени, беспощадно критикуя общественный строй. Блок в письме пародирует стиль «Путевых картин» Гейне.

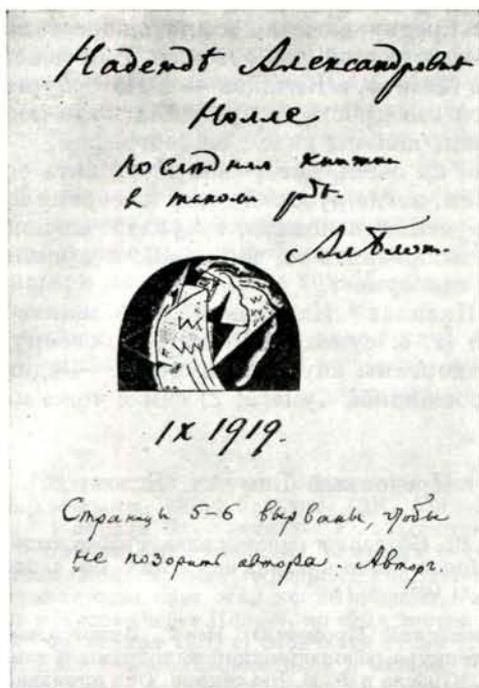
⁶ Дом Блока в имении Шахматово был разрушен и сожжен.

⁷ Стих из Библии: «И дух божий носился над бездной» (кн. «Бытие», I.1).

22

6 августа 1919. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна, спасибо Вам, я получил и посылку и оба письма в полной сохранности; посылку принесли от артели, с Вас за нее взяли 35 рублей и просили посылать не в бумаге, потому что рассыпа-

БЛОК. «ЯМБЫ» П. «АЛКОНОСТ», 1919

С дарственной надписью Н. А. Нолле-Коган от сентября 1919 г.
Центральный архив литературы и искусства, Москва

ется (крупа). Однако, если это сопряжено с такими трудностями и даже «расстрелами», — я думаю, не стоит посылать так, а лучше ждать okazji. За заботы о чае¹ заранее благодарю Вас очень. С дровами, конечно, тоже скверно пока. Вообще ужас, — что будет зимой!

В Шахматове², по одним сведениям, остался какой-то один шкаф, от которого я и дал ключи Алянскому С. М.³ Я думаю, все-таки, что там нет ничего.

Что дружба? — Легкий
пыль похмелья,
Обиды вольный
разговор,
Обмен тщеславия,
безделья,
Иль покровительства
позор⁴.

«Позор покровительства» это — чай, крупа, дрова, мука (все, кроме чая, в ямбах).

Ваш Ал. Блок

¹ См. п. 21.

² См. п. 21, прим. 6.

³ См. п. 12, прим 2.

⁴ В письме приведен текст стихотворения Пушкина «Дружба» (1826).

Дорогая Надежда Александровна.

Все работа мешает Вам ответить. Спасибо за два письма и за посылку с Бодлером¹. Другая (посланная Вами через Николаевскую дорогу) пропала.

Так как Вы, очевидно, кормите меня уже в кредит, а счета посылать перестали, то я попрошу Самуила Мироновича² в следующий раз оставить Вам денег.

Мы и здесь рассказывали, что я был в Москве, а Качалов — в Петербурге. Ничего подобного не было, а объясняется это просто: в пустынях, где нога человеческая не ступала, бывают миражи, как мы знаем из географии.

«Российского Прометей»³ я знаю, да, он очень интересен. Поставить его нельзя, но я не помню времени моей жизни, когда русский театр не стремился бы поставить то, что нельзя. Таковы уж русские «искания». Результат их пока заключается в том, что театр русский отвык ставить то, что можно и должно, и поставит сейчас Островского редко кто сумеет.

Нет ли у Вас стихотворения Вяч. Иванова⁴ Каменевоу? Мне занятно, я о нем слышал и, вероятно, пойму его (т. е. сумею объяснить по-своему).

Простите, что «Ямбы»⁵ немножко надорваны внутри, но: 1) это — единственный у меня сейчас экземпляр на роскошной бумаге; 2) сам я тоже надорвался и, вероятно, давно.

Как же дальше-то жить будем?

Преданный Вам Ал. Б л о к.

¹ Блок собирался переводить предисловие Ш. Бодлера к «Цветам зла». Работа выполнена не была. Вероятно, для этой цели Н. А. Нолле-Коган выслала ему книгу. См. запись Блока в записной книжке от 12 августа 1919 г. (ЗН, 471).

² Самуил Миронович Алянский.

³ Трагедия «Царь Петр Великий» («Российский Прометей») Н. Г. Виноградова-Мамонта (май 1919 г.) была представлена на конкурс революционной мелодрамы и заинтересовала членов жюри А. М. Горького, Ю. М. Юрьева и Ф. И. Шалапина. Она привлекла внимание Блока. См. об этом подробно в сообщении А. Е. Парниса в наст. томе, кн. 4.

⁴ В. И. Иванов посвятил О. Д. Каменевоу стихотворение «Во дни вражды междуусобной...» 4 августа 1919 г. (ИМЛИ, ф. 55, оп. 1, № 5).

⁵ В письме к Н. А. Нолле-Коган Блок вложил книжку стихов «Ямбы. Современные стихотворения. 1907—1914». П., «Алконост», 1919.

Дарственная надпись Блока: «Надежде Александровне Нолле — последняя книжка в таком роде.

Ал. Б л о к
IX. 1919

Страницы 5—6 вырваны, чтобы не позорить автора.

А в т о р

(ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, № 226).

Вырванные страницы содержат эпитафию на латинском языке: «Fecit indignatio verum», что в переводе означает: «Негодование рождает стих». Автором эпитафии поставлен Гораций, тогда как на самом деле эти слова принадлежат Ювеналу.

24

8.IV.1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Вот, наконец, пишу Вам и прежде всего — благодарю Вас за пасхальные подарки — роскошные. Уже вторую неделю у меня не прекращается легкий жар¹, поэтому я никуда не выхожу, не хожу на службы, и у меня начинают зарождаться, хотя и слабо пока, давно оставленные планы — вновь стать самим собой, освободиться от насилия *над душой*, где только возможно, и попытаться писать².

Пока еще рано говорить об этом, впоследствии, когда выяснится, я Вам расскажу, если захотите, в какую петлю я попал, как одно повлекло за собой другое, прибавились домашние беды³, и в результате — с конца января я не могу выправиться *физически* уже, чего со мной никогда не бывало прежде.

Когда поправлюсь, думаю съездить в Москву. Самуил Миронович⁴ называет с Ваших слов какие-то баснословные суммы, которые, увы, соблазняют меня, ибо я стал корыстен, алчен и черств, как все.

Теперь о книжном деле⁵; вот список около 1400—1500 книг и брошюр, которые загромождают сейчас единственную комнату, оставшуюся свобод-

ной. Боюсь, что список ужаснет Вас; есть и хорошее, но очень много разрозненного, а есть и вовсе дрянь. Мне было бы очень дорого, если бы Вы взяли их по бумажке Каменева (Сам. Мир. думает, пудов 50, а по-моему 70—100). Наднях предполагается запаковывать их в тюки. Мне хотелось бы: 1) чтобы они попали, кому надо (что выйдет само собой, если они пойдут через Вас); 2) чтобы освободилось место и 3) чтобы получились деньги — сколько, я представить себе не могу. Было бы очень естественно, просто и хорошо, если бы Вы согласились отчислить мне только установленный процент, потому что возни и работы с ними будет не мало и Вам, как было мне, а по содержанию они слишком пестры, чтобы хотя бы большую часть их взяла сразу какая-нибудь организация.

Сейчас был доктор и велел лечь в постель, чтобы сбавить температуру. Пожалуйста, передайте от меня поклон Петру Семеновичу.

С праздником, Христос воскрес.

Преданный Вам Ал. Б л о к.

¹ В записной книжке Блока — записи от 29, 30 и 31 марта 1920 г.: «Вдруг жар», «Жар меньше», «Жар больше». (ЗК, 489—490).

² 1 апреля Блок записал: «... Несколько своих мыслей (спасибо болезни)». В этот день Блоком была написана «Записка о «Двенадцати» (ЗК, 490; III.474). 3 апреля: «Писал «Монте Люка» («Призрак Рима и Монте Люка»). (ЗК, 490. V, 399). 6 апреля Блок сделал запись: «Нет, жар еще не прошел». Однако 8 апреля: «Собрал все книги, чтобы продать в Москве через Нолле», но «был доктор и опять велел лечь в постель» (ЗК, 490).

³ 23 января 1920 г. скончался отчим Блока — Франц Феликсович Кублицкий-Пиотух. Блок с женой переселился к матери. Начался разлад между женой и матерью, о чем помета Блока в записной книжке 1 апреля 1920 г.: «Вечером — ужас (я, мама, Люба)» (ЗК, 499).

⁴ Алянский упомянут Блоком в записи от 7 апреля 1920 г.: «Днем был Алянский, рассказывал интересное о Москве и пр.» (ЗК, 489—490).

⁵ Блок решил продать часть своей библиотеки, чтобы поддержать материальное положение семьи; ему приходилось содержать мать и помогать больной тетке.

25

«19 мая 1920 г., Москва»¹

Не обольщай меня угрозой
Безумства, муки и труда.
Навек останься легкой грезой
Не воплощайся никогда.

Храни безмерные надежды,
Звездой далекою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвились.

¹ Текст — на листке из блокнота, графическим карандашом; на обложке — помета Н. А. Нолле-Коган: «Записка из окна вагона». В записке — стихотворение Ф. К. Сологуба, поэзию которого высоко ценил Блок, «Не ужасай меня угрозой» (7 марта 1897 г.). У Блока — «Не обольщай меня угрозой...»

26

9 июня 1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Вот и все, что у меня оказалось: плохая фотография и та, которая лучше, — но в виде *carte postale*¹. Только что я собрался заказать фотографии, как следует, оказалось, что наш фотограф давно уже уехал куда-то в провинцию кормиться, и фотография при театре закрыта.

Едва начал писать Вам, как пришло Ваше письмо. Всегда так бывает. Да, мне уютно и отраднo вспоминать о Москве², о Вашем гостеприимстве, о многих днях и часах, проведенных у Вас; хочу сказать Вам, что обо *всех*, потому что Вы такая чуткая и «умная»...

С зачислением в «артель»³ Вы делаете для меня еще одно большое дружеское дело; спасибо, хоть мне и совестно, как всегда приходится повторять, что я ничего не могу делать. Ну, может быть, что-нибудь и смогу, хотя разговоры о переезде в Москву⁴ у нас были и прошли без результата. Рано еще ехать в Москву, надо перезимовать здесь, слишком много и трудно перестраивать, а я уже въехал в обыкновенную колею.

Вот Вам доверенность⁵, а вступительный взнос лучше бы — вычитать сразу из дивиденда, если это возможно, потому что московских денег уже нет, а здешних — тоже мало. Но, если это неудобно почему-либо, напишите мне, ради бога, *откровенно*, и я достану деньги *без особого труда*.

Передайте Петру Семеновичу мой низкий поклон, привет от сердца и благодарность от души.

Кате⁶ кланяйтесь — она у Вас хорошая. Кланяйтесь также Пьерро⁷, хотя мы лично мало с ним знакомы, и я подозреваю, что душевное содержание его беднее, чем атласная внешность.

До свидания, целую Вашу руку.

Ал. Блок.

¹ Письмо А. Блока от 9 июня 1920 г. и фотография, посланная им Н. А. Нолле-Коган были первыми после его возвращения из Москвы, о чем она пишет в своих воспоминаниях. См. наст. том.

² В записной книжке № 61 Блока — краткие записи, относящиеся к его московской поездке: «8 мая. Приезд в Москву. 9 мая. Мой вечер в Политехническом зале на Лубянской площади. Вечером у Балтрушайтиса.

10 мая. Репетиция «Мадам Анго».

11 мая. Обед у Станиславского.

12 мая. У Вл. Ив. Немировича-Данченко в Художественном театре.

13 мая. Собрание у Коганов (Вяч. Иванов, Чулков, Поляков С. А. и др.).

14 мая. Мой вечер в московском Дворце искусств.

15 мая. В художественном театре и у Кублицких.

16 мая. Мой вечер в Политехническом зале на Лубянке.

18 мая. Выезд из Москвы.

19 мая. Возвращение из Москвы» (ЗК, 492—493).

³ Речь идет об Артели деятелей искусств, членами которой состояли Ю. К. Балтрушайтис, А. А. Блок, П. С. Коган и др. В фонде П. С. Когана, хранящемся в отделе рукописей ИМЛИ (ф. 125), имеется его заявление от 25 мая 1920 г. в Правление Всероссийского союза писателей о приеме в Артель деятелей искусства А. А. Блока: «Настоящим доводим до Вашего сведения, что с 25 мая 1920 г. в состав Артели деятелей искусства входит поэт Блок.

П. Коган»

Заявление — на бланке со штампом: «Книжная лавка Бюро артели деятелей искусства. Ул. Герцена (Б. Никитская), д. 22. Москва». Об этом же писала А. Блоку Н. А. Нолле-Коган в письме с пометой адресата «Получено в конце июня 1920 г.»: «Зачислены Вы в артель на следующих условиях. Вступительный взнос 50 тыс., по 10 тыс. будут у Вас вычитать каждый раз при выдаче пая. Выдача происходит очень неравномерно, иногда в месяц 2 раза, иногда по 2 месяца — ничего. Сумма тоже неопределенная. Например, на прошлой неделе выдали по 25 тысяч, у Вас вычли 10 тыс., значит Ваших 15 тысяч у меня. . . Оказии у меня не было. Просьба назначить наследников на случай смерти для формы» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

⁴ Н. А. Нолле-Коган уговаривала Блока переехать в Москву — см. ее воспоминания — в наст. томе.

⁵ Вместе с письмом от 9 июня 1920 г. Блок послал доверенность: «Выдана настоящая доверенность Н. А. Коган (Нолле) в том, что она с момента вступления моего в состав членов артели «Деятели искусства» является моей представительницей во всех делах артели. Доверяю ей получать мой пай и передаю ей права решающего голоса на общих собраниях членов артели.

А. Блок»

(ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

⁶ Катя — домработница Коганов.

⁷ Кто имеется в виду — установить не удалось.

27

3 июля 1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Надеюсь послать Вам это письмо с оказией, есть едущие в Москву. Ваше получил только на этих днях. Вы едете на дачу ¹, это очень хорошо, я стараюсь заниматься такими же делами, не уезжая. Службой занимаюсь как можно меньше и отдыхаю: для денег устраиваются вечера в Доме Искусства ², 2-й будет 5 июля. Для дров начал ломать барку ³ (вместе с жителями дома), но полиция вмешалась и остановила это дело. Для души я уезжаю, когда только могу, в Стрельну ⁴, где купаюсь в море и загораю. Вот все мои дела, и, благодаря морю, я начинаю опять оживать и надеяться на что-то, чего не было очень давно. Очень хотел бы, чтобы сбылось пожелание П«етра» С«еменовича» в Вашем письме.

Передайте ему мой сердечный привет.

О делах ⁵ вот что: во-первых, вступительный взнос назначен, очевидно, минимальный, рекомендую вам увеличить его до 75000, как Вы писали. Во-вторых, очень прошу вычесть все сразу из первых же паев, тем более, что деньги у меня сейчас есть. В-третьих, у Ремизова ⁶ еще не действует телефон (он порван), но я просил двух людей передать ему Ваше предложение. В-четвертых, не могу ли я, и в какой форме можно проявить свою деятельность на пользу «Артели Деятелей Искусства»? В-пятых, прошу Вас приобрести пирожных из моего пая на любую сумму. В-шестых, я тоже не хочу еще сейчас умереть, но, если нужно будет, думаю, что наследовать мне должны Вы, или П«етр» С«еменович», кто из Вас хочет.

Ну как можно ехать в Москву и даже за Москву ⁷, человеку, который только что там был? Республика такого расстреляет.

Новую Вашу фотографию хочу иметь.

Целую Вашу руку. Преданный Вам Ал. Б л о к.

¹ В письме Н. А. Нолле-Коган с пометой Блока: «Получено в конце июня» она ему сообщала: «Петр Семенович уезжает завтра в Ярославль, а я ездила и разыскивала дачу, наконец, сняла дачу в 5 комнат в Тарасовке, буду жить там с 1 июля до глубокой осени, там чудесно, приезжайте» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

² Первый вечер Блока состоялся в Доме искусств 21 июня 1920 г., второй — 5 июля; в записной книжке Блока № 61 пометы: «21 июня. Повторение стихов. Мой вечер, устроенный «Домом искусств».

³ 5 июля. Второй мой вечер в «Доме искусств» (мы с Любой)» (ЗК, 495—496).

Л. Д. Блок читала «Двенадцать».

⁴ В записи Блока в 61-й записной книжке от 29 июня: «Вечером — ломал барку» (ЗК, 495).

⁵ Блок, начиная с 24 мая 1920 г. начал ездить для отдыха в Стрельну, о чем говорят записи в записной книжке № 61 за лето 1920 г., первая из них: «24 мая. В Стрельне — в первый раз в это лето» и последняя поездка 27 сентября «Стрельна: золотое, красное, синее, зеленое» (ЗК, 493, 503).

⁶ Речь идет «о делах» в Артели деятелей искусств — см. п. 27, прим. 3.

⁷ В том же письме конца июня 1920 г. Н. А. Нолле-Коган просила Блока обратиться к А. М. Ремизову с предложением продать его книгу «Что есть табак» с рисунками Сомова и в случае его согласия выслать книгу на ее имя.

⁷ Имеется в виду приглашение Н. А. Нолле-Коган на снятую ею дачу в Тарасовке.

28

10 сентября 1920 г. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Ваше молчание меня несколько тревожит.

Пишу Вам сейчас, тороплюсь, только деловое: письмо передаст вам г-н Naveillan Monsalve ¹, муж нашей старой и доброй знакомой. Мы у нее взяли взаймы 50 тысяч; если есть в артели мои деньги, отдайте, пожалуйста, столько же, а, если возможно, — вдвое (100 тысяч); впоследствии, если Вам удобно, можно будет передачу устроить через него, так как он — в Москве,

а жена его живет всегда здесь. Дайте ему совет, если можете, куда ему толкнуться, чтобы устроиться на службе.

Вчера я пошел на телеграф послать вам приветственную телеграмму. Мне сообщили, что ни поздравительные, ни приветственные телеграммы не принимаются. Поэтому, позвольте мне хоть в письме послать всем поклон и привет по поводу годовщины 12 сентября².

«Сезоны» наши начинаются, и я уже в «деле» — по уши. С Ларисой Михайловной³ виделся с Вашего отъезда только раз — мельком.

Петру Семеновичу — сердечный привет.

Преданный Вам Ал. Б л о к.

Будьте благополучны!

¹ Naveillan Monsalve — муж m-me Marie, гувернантки двоюродных братьев Блока. О нем и мать Блока писала Н. А. Нолле-Коган: «... это письмо пишу Вам с корыстной целью, прося Вас помочь тому, кто Вам его принесет, мужу нашего старого друга, долго жившей в доме покойной сестры Naveillan Monsalve. Его злоключения не стану Вам описывать. Он сам расскажет. Ему надо помочь советом и Вашим влиянием в московских сферах. Жена этого господина — большой друг нашей семьи, редкий человек, золотое сердце. И для нее хочется нам всем троим, Саше, Любе, мне, уладить его дела. Помогите ему, дружок, ради Вашей дружбы, Вашего отношения ко всем нам.

Целую Вас крепко, прошу писать и не забывать своего друга, старую Сашину маму.

А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х

Р. С. Завтра Сашины именины. Поздравляю Вас, моя Душенька, с этим важным для меня днем.

А. К.»

Л. Д. Блок тоже обратилась к Н. А. Нолле-Коган с аналогичной просьбой.

² Имеется в виду годовщина организации Артели деятелей искусства 12 сентября 1919 г. В записной книжке Блока запись от 8 сентября 1920 г.: «Телеграмма в Артель деятелей искусств к 12 сентября (годовщина) — по адресу: Н. А. Нолле, — не принята» (ЗК, 501).

³ Лариса Михайловна Рейснер (1895—1926) — русская советская писательница и журналистка. Блок с ней часто встречался в 1920 г. После отъезда Н. А. Нолле-Коган (24 августа 1920 г.) Блок встречался с Л. М. Рейснер 27 августа, о чем есть запись в записной книжке: «27 августа заезжала Л. Рейснер с Е. Ф. Книпович по дороге на концерт» (ЗК, 500).

29

23 сентября 1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Хорошо, что все кончилось благополучно на этот раз; но не думаете ли Вы, что эта игра (для женщины — все такое — игра) может быть опасной не только для тела, но и для души? Я хочу сказать это Вам только так, чтобы Вы об этом подумали про себя. Я сам, ведь, Вы знаете, очень свободно думаю. Но мне кажется, что я немного отвечаю за Вас — потому что верю, что занимаю в Вашей душе отчетливое место.

По этой же причине — еще вот что: в Вашем письме, которое я прочитал на ночь, и в том, как мы разговаривали однажды на Знаменской улице, было не совсем то, что надо. Об этом никому нельзя говорить. Впрочем, это тоже — «женское» в Вас: «игра».

Ну, теперь, спасибо за все, особенно за чай и папиросы! «Дела»¹ заключаются в том, что я эту неделю совершенно лезу из кожи вон: открытие сезонов, вечер поэтов, заседания, и вот еще Лито², о котором мы будем говорить с Борисом Семеновичем³, к которому я завтра иду. Это надо обсудить всесторонне, я думаю, — что потребность в Лито в Пб. назрела, но не знаю, как отнесется Горький и мн. др.

Представьте себе, что я внезапно получил литературный (соответствующий «ученому», хотя и меньше Вашего академического) паек! Он — из числа тех 25-ти, которые были давно для Петербурга, 8 — пролетарские, осталь-

ные — «буржуазные». От Лито (если оно будет, и я в нем буду) остается желать воинской повинности и охранных грамот.

О вечерах в Москве⁴ в октябре-ноябре я сейчас думаю, что «не выйдет». Слишком рано, во-первых; во-вторых — не весна, а зима. Москва — суровая, сугробы высокие, нельзя же читать, имея облик ветерана наполеоновской армии: уж никто не влюбится, а главное, те-то, которые было весной влюбились, навсегда отвернутся от такого человека. В эти месяцы все мы, при нашей жизни, обыкновенно усиленно заседаем с поднятыми воротниками, в валенках, у кого имеются, и исключительно в мужском обществе; а если женщины и попадают, так их ни на улице, ни в комнате никого не отличить от мужчин. То ли дело — весенняя Москва!

Вчера, когда я уходил читать на вечере, мне позвонила Серафима Павловна Ремизова⁵, говорила, что Вы им помогли в последние дни, а им было плохо.

Петру Семеновичу — сердечный привет. До свидания, целую Вашу руку.

Преданный Вам Ал. Блок.

¹ Записи в записной книжке Блока (№ 61) показывают загруженность его; в это время у него корректура «Седого утра», открытие Клуба поэтов, Блок пишет отзывы о произведениях четырех поэтов, желающих вступить в Союз поэтов (Блок — председатель). Кроме того, Блок занят редактированием «Германии» и «Зимней сказки» Гейне, работает по подготовке к постановке спектакля «Король Лир», 1-е представление которого состоялось 21 сентября (открытие сезона). После представления Блок записал: «Очень устал, а на следующий день 22 сентября: «1-й вечер Союза поэтов в Доме искусств» (ЗН, 500—502).

² Литературный отдел Наркомпроса в Петрограде (по примеру Москвы). Председателем его назначался А. М. Горький, заместителем председателя — А. А. Блок. Лито в Петрограде не был открыт.

³ Борис Семенович Шихман — знакомый Коганов, организатор вечеров.

⁴ Б. С. Шихман предлагал Блоку организовать четыре вечера в Москве.

⁵ Серафима Павловна Ремизова (рожд. Довгелло; 1876—1943) — жена писателя А. М. Ремизова.

Дорогая Надежда Александровна.

Сейчас я ходил в почтамт, где узнал, что прием «частных» телеграмм воспрещается. Нет совсем времени идти на Николаевский вокзал, трамваи почти недоступны, и на это уйдет не менее целого дня. Поэтому я лишен возможности ответить Вам иначе, чем письмом, надеюсь, что Б. С. Шихман¹ поймет мое молчание, нет звонка отказа, тем более, что никакого определенного ответа я ему не дал, и все это изобретение принадлежит ему.

Приехать я не могу. Наступает трудное зимнее время. Затруднять Вас, живя у Вас, я не хотел бы. Дни вечеров совпадают с каким-то «съездом»² писателей <...> Сумма, которую предлагает Б. С. Шихман, не такова, чтобы стоило так часто надоедать публике с тем, чтобы опротивить ей окончательно (что случится как раз тогда, когда останешься совсем нищим). Надо экономить с выступлениями; ведь в них *выматывается душа*, а вымотавшаяся душа эта очень страдает, если она покажется в таком виде перед любопытным зверем — перед публикой. Кроме того: решаясь на выступление, надо быть на диете, как я это мог позволить себе весной, живя у Вас. Зимняя Москва и «съезд» этого не позволят, придется быть несколько часов в день *чиновником*.

Б. С. Шихман смотрит, по-видимому, на эти дела проще; но ведь он, насколько мне известно, стихов не пишет; он находит, что все это прекрасно совместимо и (прошу Вас — пусть это останется между нами) испытывает суммами: при первом свидании говорит: около 80, — я молчу; при втором — около 60, я опять молчу; но даже некто из связанных с ним в деле устройства вечеров говорит мне: около 100; я опять молчу. Теперь уже он сообщает через Вас: 150. Это — способы коммерческие, но я не могу руководствоваться исключительно этими способами.

Прошу Вас, не сердитесь на меня за все это; Б. С. Шихмана я совсем не хочу обижать, он Ваш хороший знакомый; но он большой практик, в этом я убедился при разговоре с ним, а практиков я вообще боюсь немного.

Я подумал, что «вечер» понадобится, когда будет приходиться еще туже, чем сейчас. Здесь я заработаю меньше, но буду меньше трепаться и буду тянуть прежнюю служебную лямку; вот теперь предстоит три дня регистрации по воинской повинности; потом буду пробовать освободиться от того, чтобы меня не послали на неделю под Ямбург для дровяной повинности (верное воспаление легких). Много работы в театре и литературной, «всеобуч», и т. п.

На вечере Кузмина я стихов не читал, а читал ему приветствие в прозе³. «Былое»⁴ и «Седое утро»⁵ (последнего еще нет) пришло Вам с оказией. Кто это — Сокольский? Слышу в первый раз. Известного Сокольского уже убили, а другого я не знаю.

Простите за злое письмо, очень нервы расстроены. Получили ли Вы письмо Любви Дмитриевны? Я пробовал уйти из союза поэтов, но меня упростили остаться. Здесь очень много скандалов и сплетен, напишите про каких-нибудь московских. Как скандалят Мейерхольд и Брюсов?

Неделового сегодня ничего не могу написать.

Преданный Вам А. Б.

Р. S. 10000 от Самуила Мироновича получил. Спасибо.

¹ Б. С. Шихман — см. прим. 3 к письму № 30.

² С 18 по 21 октября 1920 г. в помещении Дома печати в Москве состоялся I Всероссийский съезд пролетарских писателей.

³ Приветствие М. А. Кузмину было зачитано Блоком от имени Всероссийского союза поэтов 29 сентября 1920 г. в Доме искусств на вечере, посвященном 15-летию литературной деятельности М. А. Кузмина (VI, 439—440).

⁴ В журнале «Былое» в 1919 г. (№ 15) была напечатана работа Блока «Последние дни старого режима». В 1921 г. она вышла отдельной книгой под названием «Последние дни императорской власти».

⁵ В Записной книжке Блока (№ 61) — запись от 8 октября: «Около 5-ти Щеголев принес «Былое» (№ 14 и 15) и говорар. . .» (ЗК, 594).

⁶ Сборник лирики А. Блока «Седое утро» вышел из печати 23 октября 1920 г. в изд-ве «Алконост».

23 октября 1920. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

С письмами произошло недоразумение. Господин, с которым Вы прислали папиросы (большое спасибо!) принес Ваше письмо только на этих днях, когда я уже послал Вам ответ на письмо, посланное Вами с артелью. По-видимому, этому Вашему письму уже минуло недели две, и ответ был бы у Вас давно. Посланный говорит, что он лежал в госпитале.

Потому же писала Вам и Любовь Дмитриевна, она спрашивала о судьбе m-r Naveillan¹ после того, как Вы уже написали о нем все, что нужно. Тоже — и об артели. Спасибо Вам за все эти сведения и за Ваши хлопоты.

Напрасно Вы сердитесь на меня за то, что я действительно стесняюсь затруднять Вас частыми остановками у Вас. Это естественное чувство, особенно — в наше время, когда все так дорого и трудно. Если бы я был лишен его совершенно, это было бы хамством, по-моему. Пожалуйста, не сердитесь. Передайте от меня сердечный привет Петру Семеновичу, а мама и Любовь Дмитриевна просят Вас крепко поцеловать.

Преданный Вам Ал. Блок.

Не успел я послать Вам письмо, как позвонили, что Ел «ена» Андр «еевна» Кнорре² привезла деньги от артели. Сегодня я их получу.

¹ Навеллан (Naveillan) — см. п. 29, прим. 1.

² Е. А. Кнорре — жена писателя Г. Ф. Кнорре (псевдоним А. Кириллов).

28 ноября 1920 г. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Почему Вам так плохо? Я не то что удивляюсь этому, потому что всем нам очень плохо. Но может быть есть конкретные причины. Очень желаю, чтобы их не было. Эти годы были так трудны и тяжелы, что теперь, по-моему, малейшая конкретная неприятность ложится на измученные нервы, как большая.

Я довольно много работаю, это только и спасает. Иногда помогает театральная атмосфера, за мишурой прячется на час, на два та «щель истории», в которую мы попали. Впрочем, стоит выйти на улицу — и вновь охватывает мрак, скука и серость, которым нет конца. Они и в партере и нет им исхода.

Вчера у нас была премьера Шейлока¹, сошла хорошо. Ставил Бенуа². Был успех.

Если будет Ваша милость продолжить разговор с Владимиром Ивановичем³, за который благодарю Вас от всей души, — то не сказать ли «миллион»? Так думают мама и Любовь Дмитриевна, полагая, что тогда они могут дать половину. Все дело, конечно, в страшном названии, а цена ему ведь 10 рублей. Мне еще приходит в голову, не может ли Художественный театр платить в рассрочку; но это, может быть, непрактично. Если найдете возможным, произнесите вышеуказанную сумму, если нет, — 500 тысяч, как указываете Вы.

Если еще не послали деньги, можно передать Самуилу Мироновичу, едущему в Москву.

Представьте, что я все еще очень хочу, чтобы Художественный театр поставил пьесу, хотя все причины отчаяться и разочароваться, казалось бы, налицо.

У меня в них большая и старая вера.

Слухов про Москву столько, что я им уж вовсе не верю. Если будете писать с Самуилом Мироновичем⁴, не сообщите ли что верного?

Ремизову⁵ звонил, он Ваше письмо получил. Спасибо Вам за заботы о Навельяне⁶, мы знаем от его жены, что он, бедный, очень их ценит.

Будьте крепкой волей, как почти всегда.

Воля Вас спасает.

Преданный Вам Ал. Блок.

¹ Постановка трагедии Шекспира «Венецианский купец» в Большом драматическом театре в Петрограде. Блок отметил в записи от 27 ноября 1920 г.: «Первое представление Шейлока. Все, как полагается. Мама была» (ЗК, 508). Мать Блока писала об этом Н. А. Полле-Коган: «Сейчас он (Блок. — Л. К.) невеселый. Но лучше чувствует себя в театре, где только поставили «Венецианский купец». Я была на первом представлении. Что за блеск, как хорош Бенуа — режиссер и декоратор. В общем хорошо играют. Для меня, при моих классических вкусах и романтически воспитания, такие зрелища ненаглядны. А Сашенька ведь неисправимый романтик. И ему тоже хорошо в этой атмосфере» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2).

² Александр Николаевич Бенуа (1870—1960) — художник, историк искусства, художественный критик и мемуарист.

³ Владимир Иванович Немирович-Данченко. Речь идет о постановке «Розы и Креста» в Художественном театре — см. ниже воспоминания Н. А. Полле-Коган, а также сообщение М. Ф. Полкановой (кн. 3).

⁴ Алянский.

⁵ А. М. Ремизов — см. п. 28, прим. 6.

⁶ Навельян — см. п. 28, прим. 1.

30 ноября (1920). «Петроград»

Сейчас пришла в полной сохранности вся Ваша драгоценная посылка¹. Сколько Вы делаете для меня, друг мой Надежда Александровна, я не знаю, как Вас благодарить. Цело все — продовольствие, табак, деньги, книги.

Письмо Вам передадут или С. М. Алянский или Н. А. Павлович², едущие в Москву. Вы совершенно правы, что ответили К. С. Станиславскому утвердительно³. Если встретите его, передайте ему, что я всегда его нежно люблю и радуюсь его решению. Вам скажу, что думаю, что дело его, вероятно, очень затянется, но ничего — пусть, потому что, когда на одном пути застопорилось, надо переходить на другой. Денег просить теперь, очевидно, надо меньше, чем я писал.

Посылаю Вам, наконец, свое «исследование» о разных «наштаверхах»⁴. Если попадется в магазине I том Сабашниковского эпоса (русского)⁵, отложите мне, чего бы он ни стоил (но не дарите таких драгоценностей, ей богу, совестно, а иметь его целиком жажду).

Петру Семеновичу — низкий поклон и благодарность за поздравление⁶ от всей души, но поздравлять-то не с чем, старость — не радость.

Еще раз за все Вам спасибо.

Ваш Ал. Блок.

Любовь Дмитриевна просит Вам очень кланяться.

¹ Посылка была послана Блоку в качестве подарка ко дню рождения — 16/29 ноября Блоку исполнилось 40 лет. Мать Блока писала Н. А. Нолле-Коган в письме от 30 ноября 1920 г.: «Вчера был день рождения моего Душеньки. Да, для меня это самый большой праздник в году» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2).

² Надежда Александровна Павлович (1895—1980) — русская поэтесса и переводчица, автор воспоминаний о Блоке и стихов, посвященных ему.

³ Утвердительный ответ К. С. Станиславскому о постановке пьесы Блока «Роза и Крест» в Художественном театре.

⁴ Наштаверх — начальник штаба верховного главнокомандующего; сокращение употреблялось в военных кругах в годы I мировой войны. Наштаверхи менялись в последнее время царствования Николая II. Блок посылал свою работу «Последние дни старого режима». («Былое», 1919, № 15). См. п. 31, прим. 4.

⁵ В серии «Памятники мировой литературы» (издательство М. и С. Сабашниковых) были изданы два тома «Былин», под редакцией М. Н. Сперанского; I т., М., 1916; II т., М., 1918.

⁶ П. С. Коган поздравил Блока с 40-летием со дня рождения.

Дорогая Надежда Александровна.

То, что Вы мне написали, очень важно, потому что Вы хотите, чтобы это было важно. Все на свете так — зависит от отношения. Даже то, о чем Вы пишете, может пройти и проходит почти у всех кое-как, так себе, как все; но Вы говорите этому «да». Говоря так, Вы берете на себя страшную ответственность. Вы хотите, чтобы я нашел в душе «хорошие слова» и написал Вам. Я нахожу слова, но не знаю, хорошие ли они; во всяком случае, они — горькие, но иными сейчас не могут быть настоящие слова.

Вы связываете будущего ребенка² с мыслью обо мне. Я принимаю это, насколько умею, а умею очень плохо. Вообще, я бесконечно отяжелел от всей жизни, и Вы помните это и не думайте о 99/100 меня, о всем слабом, грешном и ничтожном, что во мне. Но во мне еще, правда, 1/100 того, чтобы надо было передать кому-то; вот эту лучшую мою часть я бы мог выразить в пожелании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком *мира*, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь все еще будет в нем кипеть и бунтовать и разрушать, она во всех нас, грешных, — то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего *совесть*, пусть она хоть обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, будет богата и ближайшее будущее.

Поймите, хотя я говорю это, говорю с болью и с отчаяньем в душе; но пойти в церковь все еще не могу, хотя она зовет. Жалейте и лелейте своего бу-

дущего ребенка; если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней.

Вот Вам слова лучшие, какие только могу найти сейчас, самое большое, что я могу увидеть и обобщить моими слепнувшими от ужаса глазами — в будущем.

Теперь о другом. Я получил в целости все — в два приема: и деньги (по 70 т. в два приема), и I том «Былин», и все вкусные вещи, которые, право, украсили жизнь в эти дни. За все это великое Вам спасибо. Каково происхождение I тома «Былин». Если это подарок, то не надо делать таких роскошных подарков. Часть экземпляров этой книги была скуплена здесь Митюрниковым, а много сгорело на складе у Сабашникова. Я могу ее купить. А вы дарите. Ведь Вы мне много дарите и без того, а мне будет стыдно поэтому просить у Вас еще некоторые книги, которые можно было бы купить, пользуясь услугами «артели деятелей искусства».

2) Нового года я еще не чувствовал, поздравляю Вас с тем, который наступает. Он наступает вообще всегда *после* Рождества. Тот новый год я никак не встретил. У меня было что-то вроде простуды, у меня повысилась температура, я отказался идти в одно место, где обещали, что будет очень пьяно. В таком месте я был недавно только раз, не откажусь пойти и теперь, когда представится случай; все-таки — встряхивает. А зима, перевалившая за половину, уже дает себя чувствовать, лежит тяжестью на плечах. Все, что я слышу от приезжающих из Москвы, невесело, хуже, чем то, что видел я. И у Вас уже жизнь умирает, как здесь.

Меня поддерживает, главным образом, работа. Я окончил редакцию Гете «Торквато Тассо»³, проведя с Гете много часов и набравшись от него силы, насколько сумел. Можно было бы соединить приятное и с полезным, если бы литературный труд, хоть сколько-нибудь оплачивался сейчас. Но положение писателей (не говорю о себе, потому что у меня есть разные выходы) хуже, чем когда-нибудь. Мы заседаем, пишем всякие воззвания, не знаю, будет ли от них прок. Заседать мне уже вовсе не трудно, хоть удалось сохранить здоровое чувство карикатурности при взгляде на самого себя (на других, которые окончив болтать о литературе, садятся за тот же стол болтать о театре, а потом — о пайках, а потом — о «мерах», и т. д.). Посмеяться иногда помогает, все-таки.

Ну, до свиданья, берегите себя, будьте здоровы. Петру Семеновичу передайте от меня искренние пожелания на Новый год. Любовь Дмитриевна кланяется Вам и поздравляет Вас. Она очень увлечена работой в театре «Народной Комедии», где сейчас много и с успехом играет⁴.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Письмо было опубликовано в сильно сокращенном виде — VIII, 532.

² Н. А. Нолле-Коган в декабре 1920 — январе 1921 г. писала Блоку: «Друг мой, яжду ребенка и отец его мой муж» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276). Она просила Блока быть крестным отцом будущего ребенка.

³ В 61-й записной книжке Блок записал 9 декабря 1920 г.: «Редакция I-го явления «Тассо» Гете (перевод Зоргенфрея). Союз поэтов в доме Мурузи — говорят о Гете. Не пойду. Дни большой и хорошей работы». 16 декабря — помета Блока: «Редакция Тассо» (ЗК, 509). В дневнике Блока — записи 7 и 8 января 1921 г.: «Последнее чтение «Тассо» Гете» и «Окончено последнее чтение «Тассо» Гете», дальше следуют: «Гете. «Торквато Тассо» (Перевод Зоргенфрея) — образцы стихотворного перевода и заметки Блока (VII, 392—395).

⁴ 25 декабря 1920 г. Блок отметил в 61-й записной книжке: «Любия спектакль. Любия играла хорошо («Проделки Смеральдины») Соловьева и Дельвари» (ЗК, 510).

¹ Приписка под текстом письма Л. Д. Блок — Н. А. Нолле-Коган. Письмо Л. Д. Блок — без даты; по содержанию может быть датировано февралем 1924 г. В этом письме Л. Д. Блок пишет:

«Дорогая Надежда Александровна.

Благодарю Вас и целую за посланное! Написал ли Вам Александр Александрович, что он получает два новых пайка — большое подспорье — настолько, что придется покупать только более тонкие вещи. Потому прошу Вас, дорогая Надежда Александровна, — покупайте *только* чай и ничего не присылайте своего — ради бога!» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. № 6).

Текст приписки Блока воспроизведен полностью в изд.: «Александр Блок. Переписка». Аннотированный каталог. Вып. 1. Письма А. Блока. с. 334.

36

2 марта 1921. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

В Вашем письме действительно есть признаки большой внутренней усталости. Эту третью зиму нам кончать трудно, и всем, по-видимому, одинаково трудно, как почти все стало бедно и одинаково.

Очень понимаю Вас, сочувствую Вам и бедному Петру Семеновичу, которому от души желаю отдохнуть ¹, если это и несколько возможно в этих условиях.

И мы все очень устали. Я еле волочу ноги иногда, бывают дни полные какой-то апатии, сонные, так что работать невозможно ². Работа же только и помогает.

Вот дела:

Во-первых, посылаю Вам книжечку с самооправдывающим заглавием «Отроческие стихи» ³. Они действительно отроческие, но так как это будет 500 экземпляров для любителей, то я не расскажусь. Ни одно стихотворение нигде напечатано не было, и я их все по-своему люблю.

Если Вы сама продержите корректуру, соблюдая в многоточиях *четыре* точки, вместо обычных трех и Т большое и малое, буду очень Вам благодарен. Хорошо бы, если можно, по старой орфографии. Обложку надо как можно проще, особенно — *без признака футуризма*: острые буквы и цветочек какой-нибудь. Прилагаю собственный рисунок! Мне дайте экземпляров 10—15. Гонорар Вам виднее: номинал будет меняться еженедельно, а мне дайте процентов 10—15.

Вступить пайщиком в артель *хочу*. «Получить тысяч 300 в счет будущих благ» сейчас *хочу*. Вот кажется все, касающееся артели. Январские 100 тысяч получил. Спасибо. Кстати, верно, книги Любовь Дмитриевны ⁴, которые Вы, помните, взяли тогда, не продаются?

Мои дела: я продал много книг ⁵ в магазин Дома Искусства, открывшийся недавно. Выходит журнал Дома искусств. Я отказался от предложения г. Ионов ⁶ издать мой III том в «государственном издательстве». Будет выходить журнал нашего профессионального союза (писателей). «Записки мечтателей» ⁷ (№ 2) тоже выйдут. И мой «Рамзес» ⁸. Я трижды читал речь о Пушкине ⁹ для Дома Литераторов — будет в их Пушкинском сборнике и, может быть, в «Вестнике литературы».

«Всемирная литература» ¹⁰, несмотря на все, жива. В театре сегодня генеральная Гольдони ¹¹ («Слуга двух господ»). «Двенадцать» ¹² вышли еще в Берлине (несколько), Италии, Чите. Парижское и Миланское у меня есть. Спасибо за русскую книгу, она хорошая, и показывает, что там становится объективнее, и не все хотят распускать про нас гнусные клеветы, вроде m-me Даманской ¹³.

«Роза и Крест» ¹⁴ пойдет в Берлине и в Вене. Скажите Вы Леонидову или Немировичу ¹⁵, не специально, а если увидите, что все-таки я обижаюсь на них. Прошло *5 лет* ¹⁶, пьеса не идет и, очевидно, не пойдет. Сам я не заключил с ними никакого договора, веря в них, и ничего не предпринимал, напротив,

¹ В письме с пометой Блока: «Получено 28.II.21 г.» Н. А. Нолле-Коган писала Блоку о болезни мужа — Петра Семеновича Когана и что по его выздоровлении он был помещен в санаторий в Архангельском для Совета Народных комиссаров.

² О плохом самочувствии Блока пишет его мать А. А. Кублицкая-Пиотгух в письме к Н. А. Нолле-Коган от 4 (17) апреля 1921 г.: «Сама худеет на глазах, нападают на него минуты слабости, когда он от апатии ничего не может делать < . . . > Я не скажу, чтобы у нас вовсе не было питания, но эти каши, вечный картофель и ужасный хлеб, невыпеченный, чем-то подмешанный! Как нервный человек, Сама не может не питаться отворачивания к этому всему и ест он ужасно мало. . . » (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. № 7).

³ В упоминавшемся выше письме Н. А. Нолле-Коган писала Блоку: «Я посылаю Вам в этом письме 100 тыс. За этими 100 тыс. последуют и февральские, их еще никто из пайщиков не получал. В этот месяц дела в лавочке катастрофические, торгавли никакой, объясняют это слухами об отмене пайков и пр. Но мы не желаем тонуть и открыли при «Артели деятелей искусства» издательство. Как это ни странно и как это ни трудно, но мы уже набираем книгу Петра Семеновича «О театре», она выйдет первой. У Артели к Вам просьба и предложение следующее: не согласитесь ли Вы дать 6—7 стихотворений непечатанных, хотя бы юношеских, или из любой эпохи Вашей. Если Вы согласитесь, то напечатать их мы хотим в количестве 500 экз. на бумаге верже (такая уже есть), обложка с рисунком (мы Вам пришлем, если не понравится — изменим). Мое личное мнение по этому делу таково. Вам нет никакого смысла и выгоды участвовать у нас только в качестве автора. Другое дело вступить пайщиком. Вы будете получать не только гонорар авторский, но и свою часть от доходов всего дела. Вам, конечно, интересно знать, хотя бы приблизительно, на что можно рассчитывать. Так с книги Петра Семеновича мы рассчитываем получить от 300—350 тыс. на каждого пайщика < . . . > Напишите мне — согласны ли Вы принять это предложение в целом и, если да, то какой бы Вы хотели получить гонорар за 6—7 стихотворений, если Вам нужны деньги, то тысяч 300 изд-во Вам может выслать сейчас в счет будущих благ. Стихи, если Вы согласитесь, очень бы хотелось получить вместе с Вашим ответом, т. к. сейчас есть бумага и вообще возможность напечатать их быстро» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

⁴ По поводу книг Любови Дмитриевны — она сама пишет Н. А. Нолле-Коган (см. п. 36, прим. 1) в цитированном выше письме от февраля 1921 г.: «Что касается моих книг — можно продать их и дешевле, если Вы уверены, что они не пойдут по нашей цене: только спускать их по дешевке не стоит; какая именно цена — в этом уж позвольте мне полагаться на Вас, раз Вы такая милая, что согласились заняться этими книгами».

⁵ В цитированном уже выше письме матери Блока она сообщает, что Блок «все время измышляет разные способы продавать вещи, книги. В Петербурге, говорят, ни у кого нет денег. Плохо покупают. . . » Блок записал в дневнике: «Много сил ушло на продажу и переправку книг в лавку Дома искусств» (VII, 421).

⁶ Илья Иванович Ионов (*Бернштейн*) (1887—1942) — поэт и издательский работник. После Октября заведовал Изд-вом Петрогр. совета рабочих и крестьянских депутатов и Ленинградским отделением ГИЗа. У Блока с ним были столкновения из-за изданий его книг. Третья книга стихотворений Блока вышла, как он и хотел, в изд-ве «Алконост» в Петрограде, в 1921 г.

⁷ «Записки мечтателей» — лит.-худож. журнал, изд. группой символистов в Петрограде (изд-во «Алконост») в 1919—1922 г.; всего вышло 6 номеров. Блок напечатал там циклы стихов (1919 г.), 3-ю главу поэмы «Возмездие»: с предисловием автора, черновые наброски к этой поэме и др.

⁸ «Рамзес. Сцены из жизни древнего Египта». Пьеса написана Блоком в конце 1919 г., когда он работал в «Комиссии по составлению исторических картин», организованной по инициативе и при участии А. М. Горького. Напечатана отдельным изданием, «Алконост», 1921. Это последняя книга, вышедшая при жизни Блока. На сцене не ставилась.

⁹ Речь Блока «О назначении поэта» была написана к 84-й годовщине смерти Пушкина. Читалась Блоком 13 февраля 1921 г. на вечере в Доме литераторов в Петрограде; там же была повторена 26 февраля и в 3-й раз — в Петроградском университете. Впервые опубликована — «Вестник литературы», 1921, № 3; 2-я публикация — сб. «Пушкин. Достоевский», 1921. (VI, 160—168).

¹⁰ «Всемирная литература» — см. п. 14, прим. 3.

¹¹ Карло Гольдони (1707—1793) — итальянский драматург, реформатор итальянского театра, создатель национальной комедии.

¹² Поэма Блока «Двенадцать» вышла в Германии — перевод Е. Грегера (E. Groeger von. «Die Zwölf». Berlin, Neva-Verlag, 1921); перевод Р. Вальтера — «Двенадцать» и «Скифы» (R. Walter. «Skythen», «Die Zwölf». Berlin, Verlag «Skythen», 1921). Некоторые переводы были напечатаны ранее в журналах «Hiperion», «Morgen». Во Франции — перевод С. Ромова (S. Romov. «Les douze». Paris. «La Cible», 1920. «Двенадцать». Париж. «Мишень». 1920. В Италии — B. l. o. k. A. Canti bolscevichi. Dvjenadzat. Prima tradur. Italiana der russo. Milano. Soc. R. Quintier. 1920).

Блок записал 16 декабря 1920 г. (Записная книжка № 61) — «Е. Ф. Книпович принесла парижские бездарности — «Двенадцать» во всех видах» (ЗК, 509).

¹³ А. Ф. Даманская — сотрудница изд-ва «Всемирная литература», выступала с речью на юбилее А. М. Горького 30 марта 1919 г. Блок в статье о белоэмигрантской пе-

чати, написанной для неосуществившегося издания «Литературной газеты», писал: «Теперь голоса этих господ и господж «Даманских» всякого рода замолкают: разумеется, отдельные сплетники еще не унимаются, но их болтовня — обыкновенный уличный шум; появляется все больше настоящих литературных органов, сотрудникам которых понятно, что с Россией и со всем миром случилось нечто гораздо более важное и значительное, чем то, что г-жам Даманским прихотилось читать лекция проституткам, есть капуста и т. п.» (VI, 491).

¹⁴ По поводу постановки драмы Блока «Роза и Крест» писал переводчик этой пьесы на немецкий язык Е. Грегер в письме Е. И. Замятину от 17 января 1924 г. из Берлина: «Самуилу Мироновичу <Алянскому> я прошу передать мой сердечный привет и еще следующее: переведенная мною «Роза и Крест» почти год пролежала отпечатанная в издательстве, т. к. все не удавалось устроить вопрос с авторизацией перевода. Осенью этот вопрос был, наконец, улажен, и книга вышла и была передана Кипенгайеру для хлопот по постановке на сцене. К сожалению, не удалось по-видимому найти театра, согласного принять драму к постановке пока. Значит сезон нынешний пропал неиспользованным. . . Неужели рок, преследующий как будто эту вещь, окажется в силе и здесь!» (ИМЛИ, ф. 47, оп. 3, ед. хр. № 65).

¹⁵ О переговорах Н. А. Нолле-Коган с руководителями Художественного театра см. ее воспоминания.

¹⁶ Переговоры о постановке «Розы и Креста» с Художественным театром начали вестись еще в 1916 г.

¹⁷ О деятельности Л. Д. Блок — см. письмо Блока Н. А. Нолле-Коган, № 35.

¹⁸ Речь идет о предыдущем письме Блока от 8 января 1921 г. (№ 35).

37

23 апреля 1921 г. «Петроград»

Дорогая Надежда Александровна.

Получил Ваши два письма, кроме того, которое было с посылкой. Я не знал, ехать ли в Москву, теперь выясняется, что ехать надо. Кроме того, я думал, что Вы оба больны, что Петр Семенович — в санатории, и что у Вас остановиться теперь очень стеснило бы Вас. Меня приглашал жить Николай Архипов¹ — есть такой беллетрист и издатель. Но, раз Вы так ласково и мило пишете оба², если это не стеснительно для Вас, думаю — приехать к Вам.

Спасибо за все, скоро увидимся. Мы с К. И. Чуковским³ выезжаем 1-го (в день Пасхи), — значит, 2-го утром будем в Москве.

Чуковский написал большую и интересную книгу обо мне⁴, из которой и будет читать лекцию, а потом я буду подтигивать старые стихи. Жалею только, что в этом году у меня на душе еще тяжелее, чем в прошлом, может быть, от того, что чувствую себя физически страшно слабым, всегда измученным. Обстоятельства наши домашние очень тяжелы⁵.

Ну, до свиданья, до Москвы.

Сердечный привет Петру Семеновичу, благодарю обоих Вас за милые письма.

Преданный Вам Ал. Блок

¹ Николай Архипович Архипов (псевд. Бенштейна) (р. 1881); автор повести «Ее тайна» (М., 1918), романов «Темные воды» (М., 1923), «Так было» (М., 1926) и др.

² Н. А. Нолле-Коган в письме Блоку (без даты, но относящемся к началу апреля 1921 г.) пишет: «Дорогой Александр Александрович, из афиш и от того приехавшего из Петербурга человека я узнала, что Вы приезжаете в конце страстной недели в Москву. Почему Вы ничего сами не пишете мне? Конечно, Вы остановитесь у нас, я иначе не могу и не могу даже мыслить Вашего приезда. Вы в Москве и не у нас — это такая смертельная обида, что вообще не только говорить, но думать об этом не могу. В год раз я вижу Вас и это такой праздник, что Вы не найдете в себе жестокости лишить его меня. Петр Семенович уверяет, что я волнуюсь зря и неверно представляю себе Ваше дружеское отношение к нам. Что в Ваше дружеское отношение он верит и знает, что ни его, ни меня Вы не захотите огорчать и обижать, останавливаясь где-нибудь еще. Итак, мы ждем Вас всем домом очень. Петр Семенович здоров теперь совсем. Я ни о чем ни думать, ни писать не могу, как только что Вы снова в нашем доме. Все-таки бог хранит моего будущего ребенка, раз в эти дни, перед таким испытанием еще раз даст возможность видеть Вас, как хорошо от одной мысли. Ну разве не чудо для меня все это. Целую Александру Андреевну и Любовь Дмитриевну крепко. Если успеете, то напишите мне, чтобы я Вас встретила» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

Следующее письмо Н. А. Нолле-Коган Блоку — 19 апреля 1921 г., в котором она повторяет свое приглашение, на этом письме — приписка П. С. Когана: «Дорогой Александр Александрович, приезжайте к нам прямо. Если остановитесь в другом месте, это будет большим ударом для Надежды Александровны и великим огорчением для меня.

Если бы думал, что на Вас можно повлиять доводами эгоистического порядка, то добавил бы, что нигде Вы себя не будете чувствовать так хорошо и уютно, потому что нигде Вас так не любят, как в нашем доме.

Ждем Вас. Если предупредите о дне приезда! (только заранее, письма запаздывают) Надежда Александровна встретит Вас и привезет.

Искренне Ваш П. К о г а н.

19 апреля 1921 г.» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

⁸ По поводу поездки Блока с Чуковским в Москву мать Блока пишет Н. А. Нолле-Коган в письме от 4 (17) апреля 1921 г.: «Вот он (Блок. — Л. К.) собрался теперь в Москву с Чуковским получить денег за вечера. Тут инициатива Чуковского, который кажется очень интересный и совершенно с новых точек ведет доклад о Блоке. Это человек чуткий к художественному на редкость. Буду сама судить о его докладе на днях, когда он будет читать его здесь. Собрались они с Чуковским на пасхальной неделе к Вам в Москву < . . . > я бы желала, чтобы Саша поехал. Это его подбодрит. Другая жизнь, другие впечатления. В прошлом году он хорошо съездил, но тогда ведь как Вы о нем заботились, и как ему было у Вас хорошо! Я бы желала, чтобы эта поездка состоялась скорее. У Вас в Москве и жизнь другая» (ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, № 7).

⁴ Речь идет о «Книге о Блоке» К. И. Чуковского (Пг., изд-во «Эпоха», 1922).
⁵ Имеются в виду постоянные ссоры между женой и матерью Блока, который записал в дневнике 21 января 1921 г.: «В результате страшного дня между мамой и Любой произошел разговор, что надо разъезжаться»; 18 апреля 1921 г. — «Опять разговоры о том, что нужно жить врозь, т. е. маме отдельно. . .» (VII, 398, 415).

20.V.1921. «Петроград» ¹

Дорогая Надежда Александровна.

Чувствую себя вправе писать Вам карандашом, в постели и самое домашнее письмо; потому что мне кажутся уже после нынешней Москвы наше знакомство и наша дружба — старыми, укрепившимися.

Больше недели прошло с тех пор, как я приехал. Это время я провел дома, сначала — на разных креслах и наконец уже в постели, с жаром, что и до сих пор продолжается. Доктор ², не опровергающий ничего, что сказала Александра Юлиановна ³, считает, что без санатории не поправить ни душевного, ни физического состояния. Я чувствую, что он прав, хотя думать об этом, как обо всем, мне, конечно, лень. Тем не менее, мож(ет) быть, следовало бы сделать последнюю в жизни попытку «поправиться» (не знаю зачем). От кого зависит попасть, например, к Габаю ⁴ на июль и август? Как этого достичь?

Ваши дела гораздо серьезнее моих ⁵. Напишите мне, как Вы чувствуете себя, как дела Вашего отца ⁶, уехала ли Любовь Ивановна? ⁷ У Вас мне было хорошо, насколько только можно в таком состоянии, в каком я сейчас нахожусь. Поверьте, что я глубоко благодарю и ценю Вашу удивительную заботливость и чуткость, доброту и мудрую мягкость Петра Семеновича. Вся атмосфера Вашего дома — в Москве — хуже, чем была в прошлом году; или я не мог воспринимать ничего от болезни; все эти публичные чтения, несмотря на многое приятное, что даже до меня доходило, — были, как тяжелый, трудный сон, как кошмар.

Выгоды моего положения заключаются в том, что я так никого и не видал и никуда не ходил — ни в театры, ни в заседания; вследствие этого у меня появились в голове некоторые мысли, и я даже пробую писать. Любовь Дмитриевна очень заботится обо мне. Мама живет в Луге, пока благополучно. Мой телефон давно и, вероятно, надолго сломан.

Я вспоминал «Розу и Крест», еще раз проверил ее правду, сейчас верю в пьесу, при встрече с Оск. Блумом ⁸ мог бы рассказать ему много. Не давал ли знать о себе Шлуглейт ⁹, не выяснилось ли чудо с Браиловским? ¹⁰

Книжки скоро вышлю. Сердечно приветствую обоих Вас, Любовь Дмитриевна просит кланяться. Ездите ли Вы на дачу? В своем ли уме еще серый кот?

Ваш Ал. Б л о к

¹ Опубл. — VIII, 534—535, с кушурой и неверным прочтением одного слова — «ровных» вместо «разных». Текст — графическим карандашом. На обложке — ошибочная

надпись Н. А. Нолле-Коган: «Последнее письмо, полученное от А. Блока». Последнее письмо Блока к ней — 2 июля 1921 г.

² Александр Григорьевич *Пекелис* — врач-терапевт, лечивший Блока в 1920—1921 гг. В записной книжке 31 декабря 1920 г. — помета Блока: «У меня — доктор Пекелис».

³ Александра Юлиановна *Канель* — врач Кремлевской больницы, лечившая Блока во время его пребывания в Москве у Коганов. Блок писал матери 12 мая 1921 г. «У меня была кремлевская докторша, которая сказала, что дело вовсе не в одной подагре, а в том, что у меня, как результат однообразной пищи, сильное истощение и малокровие, глубокая неврастения, на ногах цинготные опухоли и расширение вен. . . Я буду стараться вылечиться» (VIII, 533—534).

⁴ *Габай* — врач, применявший методы тибетской медицины.

⁵ Н. А. Нолле-Коган писала Блоку о своем состоянии: «Положение ребенка у меня неправильное, роды будут производить операционным путем. Операция будет тяжелая. Врач предупредил меня».

⁶ Отец Н. А. Нолле-Коган, А. Н. Нолле, был болен.

⁷ Родственница Коганов.

⁸ Оскар Вениаминович *Блюм* (1887—?) — литератор и театральный деятель. Был режиссером театра Незлобина. В 1923 г. эмигрировал. Блок возлагал на него надежды как на режиссера при постановке «Розы и Креста».

⁹ Мориц Мионович *Шлуглейт* — театральный деятель.

¹⁰ Семен Осипович *Браиловский* (1876—1959) — член правления театра МОНО (быв. Незлобина), режиссер, переводчик, театральный деятель. Потерпев неудачу с постановкой «Розы и Креста» в Художественном театре, Блок передал драму в театр Незлобина и записал в дневнике от 11 мая 1921 г.: «Стали думать, кому продать. Остановились на Незлобине, к театру которого близок П. С. Коган. Управляющий делами Браиловский вычислил, что до генеральной репетиции (в сентябре), если приравнять меня к Шекспиру и дать четверной оклад лучшего режиссера РСФСР, нельзя мне получить больше 1½ миллиона < . . . >. Узнав о цене Браиловского, Станиславский позвонил Шлуглейту (театр Корша), который наговорил ему, по его словам, что я — Пушкин, что он не останется перед 2—3 миллионами и дает сейчас 500 тысяч, чтобы я приостановил переговоры с Незлобиным. Узнав об этом от П. С. Когана, Браиловский мгновенно приехал на мой вечер в Политехникум и на слова Н. А. Нолле, что меня устроят 5 миллионов, сказал, минуту подумав, что готов на это, а на следующий день привез мне 1 миллион и договор, который мы и подписали. Все это бесконечно утомляло меня, но, будем надеяться, сильно поможет в течение лета, когда надо вылечиться» (VII, 419). Текст договора опубликован — «Блоковский сборник», 2, Тарту, 1972, с. 411. Об этом Блок писал и матери 12 мая 1921 г.: «Выгода, довольно большую, я получил от продажи «Розы и Креста» Театру Незлобина, где она пойдет в сентябре» (VIII, 533). Однако постановка «Розы и Креста» и в этом театре не состоялась, так как и Блюм и Браиловский покинули театр в конце мая 1921 г.

39

2 июля <1921>. <Петроград>

Дорогая Надежда Александровна, ну, поздравляю Вас ¹.

Письмо с этой серьезной вестью было *первым* от Вас, предыдущего я не получил.

Едва ли Вы сможете теперь устраивать дела. Поэтому я изложил С. М. Алянскому, который и передаст Вам это письмо, все свои мысли о Художественном театре (кстати, согласные с Вашими), он и переговорит с ними, и получит деньги от Незлобина ².

Мне очень трудно писать, потому что я не выхожу из постели, где лежать не могу никогда, а только сижу.

Вся главная моя болезнь — сердечная ³. Температура не падает. Постоянно задыхаюсь, не вижу почти никого. Исхода из этого острого состояния не вижу тоже.

Мама продолжает жить в *Луге* ⁴ (у переезда, дача Васильевой) и, наверное, будет рада получить от Вас письмо.

До свиданья, поправляйтесь и укрепляйтесь, напишите мне побольше ⁵.

Преданный Вам Ал. Блок.

¹ Блок поздравляет Н. А. Нолле-Коган с рождением у нее сына Александра, о чем она сообщала ему в письме, относящемся к середине июня 1921 г.: «Дорогой друг мой. 9 июня я родила мальчика Сашеньку. Роды были очень тяжелые, 4 часа я была под наркозом. Родился мой сыночек в 1 час. 30 м. дня, в самое Вознесение. Он очень мало весил, всего 6 с половиной фунтов. Я так долго Вам не писала, очень слаба и сейчас лежу в по-

стели и встану не раньше, как дней через 10. Почему Вы ничего не пишете в ответ на мое письмо, посланное с Николаевской артелью, где я пишу Вам о предложении Художественного театра и просьбе оставить им пьесу, причем все условия Незлобина они возьмут на себя. Я очень советую согласиться и прошу об этом. Судьба пьесы волнует меня очень. Незлобина боюсь. Ограничить только Художественный театр сроком постановки 1922 г., после этого, если не поставят, считать себя свободным. В таком роде я говорила с ними, и ждут только Вашего ответа через меня. Друг мой, я у Незлобина не брала еще денег Ваших. Срок — каждое 10-е. Если деньги нужны, пишите доверенность на имя Петра Семеновича, он получит, я выходить не смогу раньше двух недель. Кому бы пьеса ни была отдана окончательно, деньги будут платить. Это дело театров между собой. О Вашей санатории я все устрою тоже, как встану, досадно только, что Вы может быть из-за этого попадете несколько позднее, числа 10—12 июля. Я очень жду от Вас письма. Где Александра Андреевна? Я хочу написать ей и не знаю куда. Как Вы, Ваше здоровье? Мысль, что Вы больны, не перестает тревожить меня, иначе не знаю, почему не отвечаете. Будьте здоровы, друг мой милый. Мой Сашенька целует Вас.

Ваша Нолле

P. S. Книги Ваши все получила, сдала в магазин, но все та же причина мешает мне справиться о них. Привет Любове Дмитриевне» (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 276).

² «Мысли о Художественном театре» — о неосуществившейся постановке «Розы и Креста»; с театром Незлобина был заключен договор на постановку драмы и деньги должны были выдать в счет постановки. См. п. 39, прим. 11.

³ Блок был болен воспалением сердечных клапанов.

⁴ О матери Блок записал в дневнике 11 мая и 25 мая 1921 г.: «Мама в Луге, Е. Я. Билицкий помог ей доехать бумагами, письмами, провизией и лошастью». «Мама после моего отъезда в Москву, при большой помощи Билицкого, уехала в Лугу и живет у тети» (VII, 420—421).

⁵ Ответ Н. А. Нолле-Коган на последнее письмо к ней Блока частично воспроизводится в ее воспоминаниях (см. наст. том).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Н. А. НОЛЛЕ-КОГАН

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ

Мне хочется начать мои воспоминания о Блоке с описания его внешности. Мне невозможно представить себе Блока и обрисовать его, не связывая образа поэта с определенной атмосферой, местом, природой, освещением, переживанием. В его внешности все зависело от состояния духа, все, даже колорит кожи, цвет глаз, цвет волос.

Каков был Блок? Красив? И да, и нет. Были ли глаза его светлыми или темными? Вились или гладкими были его волосы? На все отвечаю: и да, и нет.

Когда Блок бывал весел духом, спокоен, здоров, то кожа лица, даже зимой отливала золотисто-красноватым загаром, мерцали голубовато-серые глаза, волосы орехового оттенка (иного определения не подберу), легкие и пушистые, венчали высокое чело. Очерк рта выразительный и, когда он плотно сжимал губы, то лицо приобретало суровое замкнутое выражение, когда же улыбался, то оно сразу светлело и молодело. Походка упругая, легкая, фигура статная, ладная, весь он какой-то подобранный, все сидит на нем элегантно, ничего кричащего, вульгарного, все было тем, что французы определяют метким словом «comme il faut».

В дни душевного смятения, упадка духа, физического недомогания лицо серело, глаза тускнели, волосы темнели и переставали виться. Он весь словно сникал, и даже поступь тяжелела. Есть снимок: Блок в гробу: на подушке покоится голова поэта с темными, совершенно гладкими волосами. Вот потому-то к внешности Александра Блока я буду возвращаться несколько раз и всегда в связи с теми моментами, о которых буду говорить.

Мое знакомство с Блоком началось не с личной встречи, а с переписки. В марте 1913 г. я написала ему первое письмо. В нем я, между прочим, просила поэта разрешить мне посылать ему иногда красивые розы.

Ответ я получила на данный мною адрес: Николаевская набережная, 13, до востребования: «Да, если хотите. Благодарю Вас. Мне было очень горько и стало легче от Вашего письма. Александр Блок. 13 марта 1913 г.»

С этого момента возникла наша переписка и вплоть до 28-го ноября мы переписываемся, не будучи знакомы.

28 ноября 1913 года я посетила Блока в первый раз и, хотя это положило начало нашим встречам, но переписки мы не прекращаем. Темой ее иногда служит беседа, которую мы ведем при встрече, порой впечатления от прогулки, порой прочитанная книга.

Например, в январе 1916 года я послала Блоку книгу П. С. Когана «Пролог», на что он ответил мне <письмо от 17 января 1916 г. >.

После февральской революции мы переезжаем в Москву, и переписка с Блоком принимает более интенсивный характер.

Настроение в ту пору у Александра Александровича было очень неровное, то кипучая деятельность, то полная апатия. Меня крайне огорчало, что Блок совершенно перестал писать стихи.

Кроме причин душевного, личного характера, изменить которые было не в моей власти, тут были причины чисто бытового характера, отягощавшие его жизнь и, мне казалось, что если их хоть немного облегчить, то этим хоть несколько поможешь ему. И вот в мае 1918 года я предлагаю посылать ему продовольственные посылки, так как вопрос снабжения в Москве был значительно лучше, чем в Петербурге <В письме от 16 мая 1918 г. Блок с благодарностью принимает это предложение >.

И вот я делаю первый опыт, отправляю продовольственную посылку и письмо. Получив посылку и письмо, Блок отвечает <13 июня 1918 г. >. Вслед за этим письмом я посылаю «Гавриладиу».

Так протекал 1918 год.

В августе 1918 года я еду в Петербург, чтобы окончательно ликвидировать квартиру и перевести в Москву библиотеку.

В этот мой приезд я познакомилась с женой поэта, Любовью Дмитриевной Блок. Скажу несколько слов о ней, ибо, вспоминая Блока, нельзя обойти молчанием двух столь тесно сплетенных с его жизнью и судьбой женщин, мать и жену.

В 1918 году, когда я с ней познакомилась, Любви Дмитриевне было 33 года. Ей эти годы можно было дать, и внешность ее на меня не произвела сильного впечатления, хотя те, кто знавали ее раньше, говорили, что она была очень хороша, чему легко можно было поверить. Крупная, высокая, статная, понравился мне тембр ее голоса, ее спокойная повадка держать себя, плавная поступь. При ближайшем духовном контакте вы сразу ощущали человека незаурядного, большого душевного диапазона, сильной воли, своеобразного ума. Мне не пришлось общаться с ней много, но когда нам приходилось говорить не на бытовые темы, а на отвлеченные, то мысли, взгляды, мироощущение, подход к людям, их характеристика — все было не банально, с ней никогда не бывало скучно, в ней неустанно жил жадный интерес к жизни. Но человеком она была замкнутым. Уже после смерти Александра Александровича в одном из писем ко мне она пишет: «Вы были другом настоящим — такие друзья не забываются. Если я мало общительна, мало буду искать Вас, писать Вам — Вы это поймете — не нужно объяснять, правда?»¹

Итак, я приехала в Петербург.

Несмотря на суматоху, связанную с переездом, Блока я видала почти ежедневно. Он приходил в мою уже разоренную квартиру, молча садился на какой-нибудь заколоченный ящик, иногда брал и перелистывал какую-нибудь книгу, еще не уложенную, или же вдруг хватал молоток и лопаткой, сильными движениями принимался вгонять гвозди в ящики, а то вдруг машинально начинал в порядке расставлять вещи; то что-то где-то выравнивал. Затем вдруг дня на три он исчез. Я послала ему письмо, на которое он отвечает следующим письмом <от 4 сентября >.

Как-то осенью, в начале октября, ко мне зашел Ю. И. Айхенвальд и принес статью о Блоке, напечатанную в газете «Театральный курьер» № 11, 29 сентября — «Лирик нашего времени». Он просил меня прочесть статью и

сказать свое мнение о ней, что я и сделала. Блоку я послала и статью и письмо. Привожу отрывок из него: «Дорогой Александр Александрович, посылаю Вам статью Айхенвальда о Вас. Мне принес ее сам Айхенвальд, попросил прочесть и сказать свое мнение. Я прочла ее и о моем впечатлении скажу Юлию Исаевичу, а Вы напишите свое». 6.X.1918 г.

Больше всего в этот период Блоку приходилось работать в Театральном отделе. Он ведет переговоры и переписку с множеством лиц, привлекая их к работе ТЕО. С подобным предложением он обратился и к Петру Семеновичу (Когану. — Л. К.).

14.XI.1918

«Многоуважаемый Петр Семенович.

Спасибо Вам за обстоятельный ответ, который я вчера получил, а сегодня доложил на заседании Секции. Предложение Ваше принято, конечно, единогласно (с указанной Вами суммой никто не спорил; обо всем этом официально известили Вас. Оформить получение денег проще через Москву, где есть свое отделение Т. (Отдел). Первая выплата, очевидно, запоздает, как везде теперь, кажется, но мы уже говорили сегодня со всеми, с кем следует. Мне остается просить Вас приниматься на необходимую нам работу, которой позволите располагать, как собственностью Секции, или отдела вообще (она может понадобиться историкам театра), т. е. в случае нужды печатать целиком или в выдержках, и т. д. Искренно Вас уважающий Ал. Б л о к».

Р. С. Если можно присылать по частям, будем Вам очень признательны. Адрес: Офицерская, 57, кв. 21 (мне), или Театральный отдел Народного Комиссариата по Просвещению, Репертуарная секция, председателю, — СПб., Дворцовая набережная, 30»².

Я встретила со Станиславским в театре, передала ему слова из письма Блока (18 января 1919 г.): «Если встретитесь со Станиславским, передайте ему, пожалуйста, что я о нем часто думаю и люблю его. . .». Мы заговорили о «Розе и Кресте», и я пишу Александру Александровичу: «Станиславского я видела, он сказал мне: «Актеры до тех пор не могут взяться ни за что новое, пока не разрешатся от «Розы и Креста». Все уже готово, кроме декораций». Это его буквальные слова» (20 февраля 1919 г.).

Зная, что он работает над Гейне, я посылаю ему в феврале 1919 года «Книгу песен» Гейне в Эльстеровском издании. Получив подарок, Блок пишет в письме от 28 февраля 1919 г.: Эльстеровский Гейне — такой точно — мне подарен моей матерью 10 лет назад. Теперь будут два, 1908 и 1919 года».

Он очень много в это время работает.

Уже в 1919 году у меня зарождается мысль уговорить Александра Александровича приехать в Москву читать стихи. Настроение у него в ту пору было мрачное, подавленное, тяжелая обстановка быта угнетала его. Он стал сомневаться в себе как в поэте. Я надеялась, что перемена обстановки благотворно повлияет как на его настроение, так и на здоровье. Я пишу ему об этом. Затем последовал обмен телеграммами, телефонные разговоры, и в мае 1920 года Блок приезжает в Москву и останавливается у нас.

Скажу лишь, что был приезд поэта истинным радостным и праздничным событием для нашего дома и для всей литературной Москвы. Он чувствовал атмосферу этой любви, поклонения и восхищения, выражавшиеся во множестве писем, подарков, цветов, которые ему присылали на наш адрес. Каждое выступление его было триумфом, и об этой поездке он писал и вспоминал всегда светло. Вскоре после его отъезда я получаю от него фотографическую карточку и письмо (от 9 июня 1920 г.).

Одновременно с письмом Блока я получаю письмо и от его матери:

«Спасибо Вам, дорогая и многоуважаемая Надежда Александровна, от всей моей материнской души плюю Вам горячую благодарность за Вашу ласку и внимание, за тот прекрасный прием, который Вы оказали моему сыну. Когда он вернулся к нам успокоенный, удовлетворенный и после его рассказа о московском пребывании, я почувствовала, как много обязана Вам,

как Вы прекрасно сделали, что вызвали его в Москву и устроили все так, что ему не пришлось думать о несносных околичностях обихода; если б Вы знали, как это для него важно. Для него вся поездка оказалась такой благодарной. У меня прямо потребность написать Вам, выразить Вам свою благодарность, послать Вам горячий привет, хотя Вы меня не знаете, но я так много о Вас слышала от моего сына, что как будто немножко Вас и знаю.

И вот решилась написать Вам. Крепко, горячо жму руку Вашу.

Искренне глубоко Ваша доброжелательница

А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х ³

О каждом пролетевшем мгновении храню тяжкое или легкое, радостное или горькое, но пуще всего в жизни остерегаюсь дней пустых! (из моего письма к Блоку) ⁴.

В конце августа 1920 года я еду в Петербург, где живу до начала сентября, и в этот приезд и познакомилась с матерью поэта Александрой Андреевной Кублицкой-Пиоттух.

Приехав утром и остановившись у моей приятельницы на Знаменской, я позвонила Блокам по телефону. Подошла Любовь Дмитриевна и сказала, что Александр Александрович уехал купаться в Стрельню, а Александра Андреевна дома и просит меня приехать, не дожидаясь Блока. Я так и сделала. Мы познакомились и подружились.

Позволю себе сказать несколько слов об отношениях между его матерью и женой, так как эти отношения сыграли большую роль в его жизни. Трудными они были и сложными. Зависело это, по-моему, главным образом, от следующих причин: обе женщины были натурами незаурядными. По складу характера, по мироощущению, по темпераменту, по внешности они были совершенно противоположны друг другу. Мать была романтик, с некоторой долей сентиментальности, но в высоком старинном значении этого слова, на малейшую бытовую, житейскую неувязку и на всякую душевную, даже не грубость, а просто царапину, она реагировала болезненно, и чувствительность ее была предельна. Была она небольшого роста, хрупкая и, когда я с ней познакомилась, то уже седой.

В глазах — усталость и печаль, лицо болезненное, но одухотворенное, нежное, женственное. Такой предстала мне мать поэта на склоне своих дней.

Любовь Дмитриевна была здоровая, сильная, полнокровная как внешне, так и в своих отношениях к людям, к событиям, в своем мировосприятии, что очень хорошо действовало на Блока, но это резкое различие между Александрой Андреевной и Любовью Дмитриевной создавало множество поводов для сложных и тяжелых разговоров, создавало напряженную атмосферу, в которой порой задыхался такой чувствительный и нежный человек, как Блок. Жена и мать прекрасно понимали это, но не могли преодолеть себя, не могли ничего изменить в своих отношениях.

После его смерти, через неделю, я получила от Александры Андреевны письмо, где есть такая фраза: «Вы знаете, что его погубило. А мы с Любой не сумели сберечь. . . не сберегли».

Когда в конце августа я приехала в Петербург и познакомилась с матерью поэта, то именно такая сгущенная атмосфера царил в доме. Ощувив ее, я горестно переживала это за всех троих.

«И не забыть мне лип старинных».

(Фет)

Однажды, после обеда, в прохладный осенний вечер вышли мы с Александром Александровичем из его дома и направились к Летнему саду. Он шел угрюмый, молча, не отвечая мне, а может быть, вовсе не слушая меня. Дошли до Летнего сада и в аллее сели на скамью. Уже гасла вечерняя заря и сквозь ветви деревьев ее багряный отсвет ложился на все, и на бурюю землю, устлан-

ную прелым листом, на белые статуи, на дальние дорожки. Располагаясь на ночлег, в старинных липах каркало воронье, за решеткой сада звенел и шумел город, а здесь было тихо, почти безлюдно, воздух был осенний, терпкий, шелестя от легкого ветра, кружась и танцуя в воздухе нас поливал золотисто-лиственный дождь. И вспомнила я другой вечер, светлый, весенний и розовый закат, благоухание сирени, цветущих яблонь, Храм Христа Спасителя, Москву! «. . . Впоследствии, когда выяснится, я Вам расскажу, если захотите, в какую петлю я попал, как одно повлекло за собой другое. . . » Так 8-го июля 1920 года писал мне Блок.

И вот, в этот осенний вечер он поведал мне о том, что тяжким бременем долгие годы лежало на душе его, темной тенью легло на самые светлые дни, что

И сама та душа, что пылая ждала
Треволненьям отдаться спеша, —
И враждой и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа ⁵.

На другой день, когда к обеду я пришла к Блокам, то он подарил мне сборник своих стихов «За гранью прошлых дней», со следующим автографом: «Надежде Александровне Нолле на память о Петербургском августе, не таком, как московский май. Май был лучше. Но надо, чтобы было еще лучше, чем май и август».

Ал. Блок ⁶

Прожив в Петербурге до начала сентября, я уезжаю в Москву. Переписка с ним возобновляется. Получаю я также письма и от его матери и несколько писем от его жены.

Чувствовал себя Блок в это время физически плохо: «Сашеньки сейчас дома нет. Ушел в свою Стрельню. Он усталый, голова болит. . .», — так вскоре, после моего отъезда, пишет мне Александра Андреевна ⁷.

Помня, как благотворно подействовала на Блока его поездка в Москву в мае 1920 года, я зову его приехать вновь.

«Дорогая Надежда Александровна.

Приехать не могу. Наступает зимнее время. Затруднять Вас, живя у Вас, я не хотел бы. . . »

Его слова «Затруднять Вас. . . » огорчили меня, о чем я пишу ему. Он отвечает: «Неужели Вы сердитесь на меня за то, что я действительно стесняюсь затруднять Вас частыми остановками у Вас. Это — естественное чувство, особенно — в наше время. . . »

В это время возобновились переговоры с Художественным театром о постановке «Розы и Креста». Блоку нужны были деньги, и я, по его просьбе, обратилась к В. И. Немирович-Данченко, чтобы урегулировать этот вопрос. <Ниже приводится письмо А. А. Кублицкой-Пиотух 30 ноября 1920 г.>

«Моя дорогая Надежда Александровна.

Целую Вас и не знаю, как выразить Вам, насколько мне дорого Ваше теплое внимание ко мне. От жизни я устала, и Ваша ласка мне дорога, Вы и не знаете как. Сегодня 17-ое ноября по старому стилю. Вчера был день рождения моего душевныки. Да, для меня это самый большой праздник в году. — Я получила Ваше письмо, где Вы пишете о «Розе и Кресте», и только что собиралась Вам отвечать, как принесли Вашу посылку и второе письмо. Спасибо за все, что узнали о Художественном театре. Саша сам пишет Вам об этом. . . »

Милый мой дружок, как жалею, что не живем мы в одном городе. Мы бы виделись с Вами часто. Я бы говорила с Вами о Саше, рассказывала бы о нем много, много. Для меня это было <бы> отрадой, и грустно, что Господь устроил так, что мы с Вами далеки друг от друга. Сейчас он невеселый. Но

лучше всего чувствует себя в театре, где только что поставлен «Венецианский купец». Я была на первом представлении. Что за блеск, как хорош Бенуа — режиссер и декоратор. В общем, хорошо играют. Для меня, при моих классических вкусах и романтическом воспитании, такие зрелища неизгладимы. А Сашенька ведь неисправимый романтик. Ему тоже хорошо в этой атмосфере. . . Он исхудал и побледнел с лета. Глаза стали большие и смотрят печально. Никуда не ходит, ни у кого не бывает, сидит много за своим Гейне. . .

Крепко Вас обнимаю и да хранит Вас бог.

Ваша К у б л и ц к а я - П и о т т у х.

Хочется подписаться *Сашина мама* ⁸.

Кроме переговоров с Немировичем-Данченко, я говорю о пьесе и со Станиславским. Он высказал предположение, что Блок охладел к их театру, я горячо опровергла это, и Константин Сергеевич спросил меня — уверена ли я в том, что Блок предпочитает видеть пьесу на сцене их театра, а не на сцене какого-либо иного. Я передала ему слова Блока в письме ко мне от 28-го ноября 1920 года. Тогда Станиславский решительно сказал мне: «Пьеса должна быть и будет поставлена, ручаюсь Вам. Напишите об этом Блоку».

Я написала, Блок ответил (письмом от 30 ноября 1920 г.).

Я продолжаю переговоры с Художественным театром, но дело продвигается медленно. Блок нервничает, он очень сильно рассчитывал материально на постановку пьесы.

Блок состоял пайщиком нашей артели, которых было такое множество в ту пору в Москве. Членами этих артелей состояли писатели, так, например, членами нашей артели являлись: поэт Балтрушайтис, Блок, П. С. Коган и др. В другой артели пайщиками были: С. Есенин, Мариенгоф, Шершеневич и др.

При нашем товариществе было небольшое издательство «Первина» ⁹. Я предложила Блоку прислать нам какие-нибудь, пусть самые ранние, стихи, чтобы издать, и, таким образом, он получил бы и максимальный авторский гонорар и ту долю, которая причиталась бы ему как пайщику артели (Далее приводится письмо Блока от 2 марта 1921 г. и письмо матери поэта — Н. А. Нолле-Коган).

4/17 апреля 1921 г.

«Дорогая Надежда Александровна,

Спасибо Вам за милое письмо. Если бы знали, как тяжело живется, милая, — оттого и не пишу, редко пишу. Саша худеет на глазах, нападают на него минуты слабости, когда он от анемии ничего не может делать. Все время измышляет разные способы продавать книги, вещи. В Петербурге, говорят, ни у кого денег нет. Плохо покупают. Я не скажу, чтобы у нас вовсе не было питания, но эти каши, вечный картофель и ужасный хлеб, невыпеченный, чем-то подмешанный. Как нервный человек, Саша не может не иметь отвращения к этому всему. И ест он ужасно мало. Мое положение такое, что ничем помочь не могу, могу только молиться за него. Вот он собрался теперь в Москву с Чуковским. Надеется получить деньги за вечера. Тут инициатива Чуковского, который, кажется, интересный и совершенно с новых точек зрения везет доклад о Блоке. Это человек чуткий к художественному на редкость. Буду сама судить о докладе на днях, когда он будет читать его здесь. Собрались они с Чуковским на пасхальной неделе к Вам в Москву. . . Я бы желала, чтобы Саша поехал. Это его подбодрит. Другая жизнь и другие впечатления. В прошлом году он так же хорошо съездил, но тогда ведь как Вы о нем заботились, и как ему было у Вас хорошо. Я бы очень желала, чтоб эта поездка состоялась скорее. У Вас в Москве и жизнь другая. . . Любовь Дмитриевна страшно увлечена своим театром. Она относится к нему с неж-

ностью, со страстью. Многим нравится это новое направление — смешение драматургического с клоунадой, на манер старинной комедии.

Дорогой мой дружок, будьте здоровы и благополучны. Спасибо Вам за все. Тяжко мне на моего ребенка смотреть.

Любящая Вас А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х»¹⁰.

Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города. . .¹¹

Итак, Блок приезжает.

И вновь весна и май, и теплое, весеннее, благоуханное утро! Я еду встречать поэта. На вокзал приезжаю задолго до прибытия поезда и брожу по перрону. На душе тревожно и смутно. . . Подходит поезд, я оглядываю приезжих, отыскивая среди них Александра Александровича. Вижу Чуковского. А вот и поэт! Но Блок ли это? Где легкая поступь его, где статная фигура? Где светлое прекрасное лицо! Он идет медленно, слегка прихрамывая, тяжело опираясь на палку, фигура сутулится, потухшие глаза, землисто-серое лицо, словно обтянутое пергаментом.

От жалости, ужаса, скорби я застыла на месте. Наконец, он заметил меня, огромным усилием воли выпрямился, ускорил шаги и, наклоняясь к моей руке, сказал: «Это пустыки, подагра, не пугайтесь!».

Мы все сели в автомобиль, на котором я приехала встречать Блока, и поехали домой.

С первого часа, с первого дня, я ощутила незримое присутствие какой-то грозной, неотвратимой, где-то таящейся около нас катастрофы. Блоку отвели ту же комнату, что и в прошлом, 1920 году. Приехав, он поздоровался с Петром Семеновичем, тотчас ушел к себе и лег. На лице Петра Семеновича я прочла тревогу. Спустя некоторое время, Блок вышел из комнаты и, почувствовав общее беспокойство за него, начал уверять, что он всего лишь устал с дороги, отдохнет, выспится и завтра будет совсем другим.

Но на другой день и во все последующие дни состояние его здоровья не улучшалось. Он плохо ел, плохо спал, жаловался на боли в ноге, то в груди, то в голове.

Помню, однажды на рассвете я услышала из моей комнаты, что он не спит, ходит, кашляет, иногда даже стонет. Я не выдержала. Накинув халат, вышла и, постучав в дверь, вошла.

Блок сидел спиной, перед письменным столом, возле окна, сквозь которое брезжил «холодный и скупой рассвет». Все в этот предутренний час было серо-сумрачно в комнате: и стол, и смутно белевшая на нем бумага, которую я обычно вечером клала на него, и сирень в хрустальном стакане, в кресле в утомленной позе сидел поэт. Услыхав, что кто-то отворил дверь, он обернулся, и я ужаснулась выражению его глаз, передать которое не умею. В них была скорбь, усталость. . . В руке Блок держал карандаш и, подойдя ближе, я заметила, что белый лист бумаги весь исчерчен какими-то крестиками, палочками. Увидав меня, он встал, бросил карандаш на стол. — «Больше писать стихов никогда наверное не буду», — сказал он жестко и отошел в глубь комнаты. Тогда я почувствовала — следует тотчас же переключить его внимание на что-то иное, вырвать из круга этих переживаний и, сказав, что не хочу больше спать, предложила пройтись, подышать свежим воздухом раннего утра, ведь «упоительно встать в ранний час. . .» Он согласился; я быстро оделась, мы вышли и отправились по безлюдным прохладным переулкам Арбата к Храму Христа Спасителя. Шли медленно, молча и, дойдя до скамьи, сели.

Великое спокойствие царило вокруг, с реки тянуло запахом влаги, в утренней матовой росе лежал цветущий сквер, и в бледном небе постепенно гасли звезды. День занимался. Как благоуханен был воздух, как мирно все вокруг. Какая тишина.

Мало-помалу поэт успокаивался, светлел, прочь отлетали мрачные призраки, рассеивались ночные кошмары, безнадежные думы покидали его. И надо было, чтоб в этой тишине прозвучал какой-то музыкальный аккорд, родственник сердцу поэта, зазвенели, запели бы живые струны в душе его. Вдруг в памяти моей всплыли строфы Фета:

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь:
Я знаю край, где все, что может сниться
Трепещет въявь.

Но дальше я вспомнить не могла. Блок улыбнулся и продолжил:

Скажи, не я ль на первые возванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет¹².

Так прочел он все стихотворение до конца, успокоился и обратно шел уже иним.

В этот приезд Блок выступал всякий раз очень неохотно, его раздражали публика, шум, ему трудно было читать стихи, ходить, болела нога, но успех выступлений был такой же огромный, как в 1920 году, та же буря оваций, то же море цветов, то же множество писем, стихов, звонков по телефону, но он оставался ко всему почти равнодушен. Здоровье поэта все ухудшалось, и он согласился, наконец, после долгих настояний с нашей стороны, показаться врачу, которого мы пригласили на дом.

Врач нашел его состояние серьезным и настаивал, главным образом, на полном покое, находя, что лучше всего был бы сейчас постельный режим. Уговорить Блока лечь в постель не удавалось, он каждое утро вставал через силу и был так же подтянут, как обычно, но это давалось ему нелегко, он чувствовал себя все хуже и хуже, худел и буквально таял на наших глазах. Наконец, решил уехать, ранее намеченного срока. Мы не удерживали его, зная, что это бесполезно. Я написала письмо матери его в Лугу, куда она уехала к своей сестре и откуда присылала сыну письма, которые очень волновали его.

В этот же свой приезд Александр Александрович решил взять обратно у Художественного театра свою пьесу «Роза и Крест» и передать ее в Правление Театра МОНО (быв. Незлобина). Начались переговоры, в процессе которых был, наконец, выработан договор, черновик которого находится у меня¹³.

Блок уезжал. С жестокой тяжестью в сердце собирала я и помогала ему укладывать вещи. На вокзал мы приехали рано, пришлось сидеть в шумном прокуренном, душном зале. Он сидел, словно окаменев.

Подробности последних минут стерлись в моей памяти, но одно мгновение помню отчетливо. Блок вошел уже в вагон и стоял у окна, я подле, ждала отхода. И вот, поезд задребезжал, скрипнул и медленно тронулся. Я пла рядом. Вдруг Блок, склонившись из окна вагона, твердо проговорил: «Прощайте, да, теперь уже прощайте!» Я обмлела. Какое лицо! Какие мученические глаза, о Боже! Я хотела что-то крикнуть, остановить, удержать, а поезд все ускорял и ускорял ход, все дальше и дальше уплывали вагон, окно и в раме окна незабвенное, дорогое лицо поэта Александра Блока.

Могла ли я представить себе, что больше уже никогда не увижу его, что это было в последний раз!

Спустя несколько дней я получаю от него письмо, написанное в постели, неровным слабым почерком <от 20 мая 1921 г.>

После этого письма я долгое время ничего от него не получаю и пишу ему:

«. . . Почему Вы ничего не пишете в ответ на мое письмо, посланное с Ни-

колаевской артелью, где я пишу Вам о предложении Художественного театра и прошу оставить пьесу за ними. Все условия Незлобина они возьмут на себя. Я очень советую Вам согласиться и прошу Вас об этом. Судьба пьесы очень волнует меня. Незлобина — боюсь. Пусть будет Художественный театр, но ограничьте их сроком — *май 1922 г.* Если пьеса к этому сроку не будет, то тогда считайте себя свободным. В таком смысле я говорила с ним. Жду только Вашего согласия. Денег Ваших у Незлобина для Вас еще не брала.

Мысль, что Вы больны, не перестает тревожить меня. . .»

На это письмо я получаю ответ < от 2 июля >:

Фраза «Напишите мне побольше» устыдила меня, так как мои последние письма были действительно очень краткими. Я тотчас же отправляю ему большое подробное письмо, отрывок которого привожу ниже.

«. . .Сегодня Петр Семенович, не зная, что Ваш телефон испорчен, звонил Вам по телефону из квартиры Луначарского, сообщив ему о Вашей болезни. Луначарский дал ему телефон Горького. Горький сказал Петру Семеновичу, что Вы очень больны, что он делал доклад Ленину, прося выпустить Вас за границу. Ленин согласился, и Горький подал заявление Менжинскому. Если бы только все это вышло! Я не знаю, куда Вы хотите ехать и кто поедет с Вами, но уехать Вы должны, друг мой, хоть не на долго. . .

. . .Ваши дела меня никогда затруднить не могут, Вы знаете это, и сейчас я все могу делать»¹⁴.

Его письмо, отправленное мне 2-го июля, было последним. Оно было написано за месяц до смерти. Состояние его здоровья резко ухудшается с каждым днем. Он уже никого не узнавал, жестоко страдал. Из Луги в Петербург возвращается его мать.

Мы говорим себе: «Не может быть! Не должно быть, слишком страшно, слишком несправедливо, слишком противоестественно мыслить себе Блока и Смерть!

И все же это свершилось. 7 августа раздался телефонный звонок, подошел Петр Семенович: «Блок сегодня скончался» — сказали ему.

Спустя восемь дней я получила письма и от его матери и от его жены.

15 августа 1921 г.

«Дорогая Надежда Александровна,

Целую Вас за ласку, за хорошие теплые слова. Но у меня душа до того черства и суха сейчас, плакать я не могу. Вы знаете, что его погубило. А мы с Любой не сумели сберечь. . .

А на бога я не рошщу. Это он нас покарал. Самое трудное понять, зачем были эти страдания невероятные. Три месяца неслыханных мук. Да и вся зима эта была сплошным кошмаром для него.

Вы мне близки, потому что любите его. Обнимаю Вас, родная, и пожелайте мне не задерживаться на этом свете. Храни бог Вас и ребенка.

Ваша А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х¹⁵

Дорогая Надежда Александровна,

Чужой Вы никогда не станете нам; я знаю, что Вы были другом настоящим — такие друзья не забываются. Если я мало общительна, мало буду искать Вас — писать Вам — Вы это поймете — не нужно объяснять, правда? У Вас теперь великая опора, великий смысл в жизни — Ваш сын. Сохраняйте все силы для него — сколько их будет нужно, чтобы оградить его детство, его юность. Это не прописная мораль; это я думаю за Вас со страхом, но с надеждой — у Вас хватит сердца.

Целую крепко. Л. Б л о к¹⁶

27 сентября 1921 г.

Дорогая Надежда Александровна,

Спасибо Вам за присланные деньги (200 тыс). 50 на цветы. Относительно Ваших писем к Саше: Саша перед своей кончиной приказал Любе их сжечь так же, как все мои письма и Любины. . . Люба исполнила его приказание. . .

Я постаралась купить на Ваши деньги георгины. Да, он очень их любил, и вокруг его головы в гробу мы положили целый венчик из огненных георгинов, присланных Большим драматическим театром. Но, если бы Вы знали, какая бедность цветов в нашем мертвом Петербурге!

Дорогая моя Надежда Александровна, Вы можете плакать, а я ношу тяжкий камень в сердце. И ничто этот камень не растопит. А жизнь предстоит, боюсь длинная. . . Здоровье крепкое — наказывает меня бог!

Здесь, в Петербурге, устраивали кое-какие вечера памяти. . . Все это как-то не соответствует и не удовлетворяет. До нас дошли слухи о каком-то вечере, который устраивали Вы с Петром Семеновичем. Был ли, правда, такой вечер, и в чем он заключался? . . .

На утре в Вольной философской ассоциации сказано было много хорошего о Саше. И тон был высокий.

Теперь я сижу часами и переписываю Шашины статьи, переводы из Гейне под его редакцией. Так мне всего спокойнее.

Крепко Вас целую А. К у б л и ц к а я - П и о т т у х ¹⁷

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 6.

² ИМЛИ, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 35.

³ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 221.

⁵ Строфа из стих. Блока «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух. . .» 9 июня 1916 г., III, 156—157.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 237.

⁷ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

⁸ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

⁹ Присланные Блоком «Отроческие стихи» для издательства «Первина» не увидели света при жизни поэта, они были опубликованы в 1923 г. Сохранился черновой набросок предисловия Н. А. Нолле-Коган к этому сборнику Блока, в котором она пишет: «Я оттого хочу предпослать несколько слов изданию «Отроческих стихов», что чувствую себя как бы ответственной за их появление. Поэт писал мне (оставлено место для цитаты из письма Блока от 2 марта 1921 г. См. с. 441—442). А мне кажется, что не нужно было ему никаких оговорок, ибо все, что он создал, *прекрасно*, и все мы, его современники, «избранные», отмеченные судьбой, ибо жили в одно <время>, когда он жил.

Он — утешение, он — чудо, он — молитва.

Благослови Вас господь за то, что Вы живете, — говорила я, когда он жил. Господи, со святыми его упокой, говорю я теперь. . .

Со святыми его упокой.

Н. Н о л л е

(ЦГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 221).

¹⁰ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

¹¹ Строки из 5-й строфы стих. Блока «Последнее напутствие». 14 мая 1914 г. (III, 272).

¹² Стих. Фета «О, не зови! Страстей твоих так звонок. . .» (изд. 1850 г.)

¹³ Опубл. — «Блоковский сб.», 2, с. 411.

¹⁴ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

¹⁵ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.

¹⁶ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 6.

¹⁷ ИМЛИ, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 7.